

Ария
ГЕСС

Я научу ТЕБЯ
ЧУВСТВОВАТЬ,
МОНСТР

Ария Гесс

Я научу тебя чувствовать, монстр

<https://litres.ru/74203874>

Аннотация

— Набегалась, идиотка? — слышу его хриплый голос над ухом. — Отпусти! Ну ты же не впрямь решил меня тут прибить, да? Может... Может я вообще ещё пригожусь тебе! — Крыс итак достаточно, зачем заводить ещё одну? Вот же скотина такая! Ладно, придётся доставать из закровов самый отчаянный вариант. — Ну... Ты не казался таким жестоким, когда впервые поцеловал меня. И я, между прочим, даже была в тебя влюблена! — Даже так... Раз влюблена была, так это все меняет, крысеныш, — он разворачивает меня, убирая опасный металлический предмет от моей шеи. — Забавная ты. Кайфую от вида страха в твоих глаза, Тая, — говорит так, словно видит мой блеф насквозь. — Хочешь стать моей девушкой, Тая? — издевательски тянет мое имя. — Возможно, я закрою глаза на твоё предательство. Пока мне интересно, отсрочу твоё убийство на несколько дней. ____ Он — монстр, он — чертово адское чудовище, он — тот, кому отец завещал оберегать меня, а в итоге защищаться нужно от него самого. Новый глава Запада. Безжалостный убийца. И мой парень, который хочет меня

прибить в моменты, когда ему скучно. Придётся развлекать его, иначе мне не жить. ♥#Властный герой-псих ♥#Дерзкая героиня с лицом ангела ♥#Очень эмоционально, с небольшой долей юмора, сарказма и иронии ♥#Мафия и бандиты Продолжение цикла про бандитов. Каждую книгу можно читать отдельно!

Содержание

Пролог 1 часть	6
Пролог часть 2	10
1	15
2	17
3	18
4	20
Огняр	22
Таисия	23
5	24
6	27
7	30
8	33
9	39
10	42
11	48
12	54
13	57
14	62
15	65
16	69
17	73
18	78
19	83

20	88
21	93
22	99
23	104
24	112
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Пролог 1 часть

В руки себя взяла живо! — кричит мой внутренний голос, когда я смотрю на свои белые худые дрожащие пальцы на черном кожаном руле. Адреналин не просто бурлит, он бьет по венам через край, вырываясь из меня бешеным потоком дрожи по телу.

Черт возьми, а ведь воровать поставки оружия своего же покойного отца стало намного страшнее, когда приехал этот псих.

Привычная дорога вдоль задымленного пригородного леса кажется гребаным лабиринтом, и я давлю газ в пол, практически вылетая из сумрачного потока. Сегодня все идёт не так. Никогда за мной не было погони, что, черт возьми, сегодня-то не так?

Ретроградный меркурий? Так и знала, что заверения Таньки о том, что эту неделю нельзя совершать никаких денежных сделок, ещё аукнется мне.

Только кто ж знал, что именно так?!

Я смотрю в зеркало заднего вида и сквозь дымный морок различаю силуэт преследующей меня машины.

Черт, черт, черт...

Цепляюсь в руль, словно в спасательный круг, жму на газ,

машина рычит, когда я на скорости вхожу в поворот и сразу же ощущаю запах паленой резины.

Не думай об этом! Дыши! — проговариваю про себя, но это ни черта не помогает.

Из-за преследования, я свернула не в ту сторону, и теперь отмечаю, что дорога впереди резко сужается и в самом ее конце стоит автомобиль. Чисто теоретически можно объехать, но...

Боже ты мой, в моей тачке куча ворованного оружия, что будет, если это кто-то из органов?!

Выход лишь один.

Резко затормозив, чуть не влетаю в лобовое, когда мне в задницу заезжает преследующая меня тачка. Подушки безопасности сняты, поэтому я сама не ожидаю, как меня бьет головой о руль. Сознание туманится на несколько секунд, а по лбу, кажется, стекает что-то жидкое.

Твою мать... — проносится в голове, когда в глазах проясняется, и я вижу остановившуюся напротив меня тачку. Дверь внедорожника распахивается, и сквозь едкий дым я вижу его.

Мой ночной кошмар, мой ад во плоти, настоящий отморозок и чудовище.

Огнеяр, мать его, Архаров.

Звериный вид накаченных мышц, хищная походка, стальной взгляд, знакомая ухмылка, словно вырезанная на его, черт возьми, нечеловечески красивом лице. Адреналин

швыряет в меня новую порцию дрожи.

Он лениво подходит к моей машине. Не торопясь открывает дверь, а я уже мысленно прощаюсь с Танькой, проклиная ее меркурия, и с моими пациентами...

Не смотрю на него, а этого и не требуется для того, чтобы холодная, стальная рука вцепилась мне в шкуру.

Огнеяр приподнимает меня и вытаскивает наружу легко, словно нашкодившего котёнка, а потом швыряет на асфальт.

Скотина.

Я вовремя подставляю ладони, избегая столкновения асфальта с лицом, а потом поднимаю на него взгляд. Он смотрит на меня сверху вниз, лениво протягивая сигарету.

Секунда — и он присаживается рядом, выдыхая дым мне в лицо и заставляя закашляться.

— Ну что, развлеклась, воровка?

— Ну что, развлеклась, воровка? — снова эта его едкая ухмылка.

— Иди к черту! — плюю в него, но он вовремя уклоняется, а потом смотрит на меня так... нездорово.

— Беги, — по слогам произносит он, тут же меняясь во взгляде.

А я девушка понятливая, два раза повторять не нужно. Сделав резкий рывок, бросаюсь прочь, в сторону леса. Лучше уж быть ужином для каких-нибудь животных, чем попасть в немилость этого дебильного монстра.

Сзади слышится довольный смешок этого душевноболь-

ного.

Несусь бешено через кусты, царапаясь и срывая кожу. Пару раз чуть не падаю, подвернув ногу о ветки, но все равно продолжаю. Кажется, я скоро начну кашлять своими легкими, потому что дыхание сбито, в груди колит, бок режет от бега.

Когда кажется, что я оторвалась, останавливаюсь и, сгибаясь пополам, делаю глубокие рваные вдохи.

— Отличная поза, — гроыхает надо мной, и я тут же вздрагиваю, когда меня за шею хватает что-то железное, как раз похожее на руку этого гребаного монстра.

Пролог часть 2

Я же так далеко убежала, как он вообще меня догнал?!
Нечеловеческое чудовище!

— Набегалась, идиотка? — слышу его хриплый голос над ухом.

Я дергаюсь, но он тащит меня куда-то в сторону.

— Отпусти! Божье наказание, отпусти, ублюдок, тварь, скотина ты такая! — вываливаю на него весь свой накопившийся запас обзывательств.

— Ничего себе, какое равнодушие. Я думал, ты будешь пооригинальнее, — издевается он. — Но у меня времени нет. Надо кончать с тобой и вернуть оружие владельцу. То есть МНЕ, Тая!

— Стой, — бью его по руке, которой он все ещё тащит меня чуть ли не за волосы и в согнутом положении. — Да отпусти меня уже! — падаю на колени, намерено его оставившая, и он тут же подтягивает меня вверх, а потом моей шеи касается холодок от прикладываемого к ней металла.

Твою мать, ну говорю же, ублюдок ненормальный!

— Нет, погоди, Яр, стой, пожалуйста, выдохни!

Я сама дышу как загнанный в ловушку волком ягненок.

— И что ты ещё интересного мне скажешь, крысеныш?
Готов выслушать тебя, потому что настроение хорошее.

Да что б его, настроение твое, придурок!

— Слушай, ну ты же не настоящий психопат, Огнеяр? Ты же только притворяешься, да?

Слышу, как он смеётся.

— Притворяюсь? И почему ты так думаешь? — лениво спрашивает, словно ему совсем не интересен этот разговор.

— Ну ты же не впрямь решил меня тут убить, да? Может... Может я вообще ещё пригожусь тебе!

— Крыс итак достаточно, зачем заводить ещё одну?

Вот же скотина такая! Ладно, придётся доставать из закров самый отчаянный вариант.

— Ну... Ты не казался таким жестоким, когда впервые поцеловал меня.

— Да? Вообще-то это из-за тебя случилось.

— Это неважно. Главное, что ты на самом деле не такой монстр, каким хочешь казаться. Я же вижу тебя.

— Видишь? — со смешком переспрашивает.

Конечно вижу, тварь ты такая! Конечно вижу!

— Когда-то, между прочим, я даже была в тебя влюблена.

Тело, держащее меня сзади, напрягается, а потом этот псих откидывает меня, разворачивая к себе лицом и изучающе рассматривает.

Ну хоть нож от горла убрал, и на том спасибо!

С опаской слежу за тем, как он всматривается в меня и скалится, как дикий волк.

— Даже так... Раз влюблена была, так это все меняет, кры-

сеньш, — обнажает ряд своих идеально белых зубов. Говорю же, нечеловеческое чудовище! — Сможешь ещё раз?

Ещё раз что? Влюбиться? Думаю, я бы и одного раза не пережила.

— Так я это... уже.

Вижу, как дрожит уголок его губ. Он крутит в руках нож, словно маньячела.

— Уже, — протягивает он. — Забавная ты. Кайфую от вида страха в твоих глаза, Тая, — говорит так, словно видит мой блеф насквозь. — Хочешь стать моей девушкой, Тая? — издевательски тянет мое имя. — Раз ты в меня влюблена, — делает акцент на этом слове и скалится. — Возможно, я закрою глаза на твое предательство. Пока мне интересно, отсрочу твое убийство на несколько дней.

— Я так понимаю, выбора у меня нет? — натягиваю улыбку, мысленно выдохнув, что сегодня, кажется, я все же смогу уйти из этого леса живой.

— Ты меня что, вообще за монстра держишь? — спрашивает удивленно.

Конечно держу, убоюдок, и даже хуже!

— Конечно же, я даю тебе выбор. Либо ты соглашаешься развлекать меня, либо ты становишься кормом для животных этого леса, — спокойно и так обыденно говорит он, что у меня сердце останавливается.

Придурошное чудовище.

Я улыбаюсь сквозь зубы, истерично отвечая:

— Ты, Огнечар, романтик года... Конечно же я стану твоей девушкой.

Да я кем угодно стану, лишь бы сейчас выбраться отсюда.

Внутри всё скрежещет. Бог ты мой, тут бы не поседеть от ужаса. Особенно когда он делает ко мне шаг и, дернув на себя за талию, второй рукой тянет меня за волосы вниз, заставляя запрокинуть голову и вторгается в мой рот своим языком. Он что, целует меня?! Да ещё и так, что в желудке всё переворачивается.

Никакой романтики, это чудовище жрет меня своими губами, которые... почему-то кажутся совсем чуть-чуть приятными.

Он отпускает меня так же резко, как и притянул, а потом смотрит хищно в глаза:

— Ты едешь ко мне.

— Зачем? — выдаю, еле переводя дыхание. — У меня учеба, практика, куча дел, я... Мне домой.

— Ты же теперь моя девушка? — не спрашивает, а подавляет, скотина.

— Д-да...

— Значит исправишь то, что натворила, — он рывком дергает меня за руку, а потом накрывает огромный бугор у себя между ног.

От неожиданности вскрикиваю, пытаюсь одернуть руку, но этот монстр крепко держит ее и ухмыляется.

— Пусти, чертов ты придурок! — кричу на эмоциях,

лишь сильнее его раззадоривая.

— Либо исправляешь, либо отрежу тебе руку, все равно люди и без них нормально живут, — добивает он, усмехнувшись.

Гребаный психопат, мать твою! Страх липкими щупальцами окутывает тело, концентрируясь пульсацией в районе солнечного сплетения.

Он протягивает мне руку, вздернув бровь на своем нечеловечески красиво лице, которое абсолютно ему не подходит.

Вкладываю в неё свою дрожащую ладонь и тут же оказываюсь перевернутой у него на плече.

Говорила же, зверь... и я собственными руками шагнула в его логово и дала себя сожрать.

Черт возьми...

1 неделю назад

Тая

— Тая, вы уверены? Это же очень рискованно. Особенно, когда сюда едет Архаров, — говорит мне Георгий — мой главный помощник по перевозке ворованного контрафактного оружия, которое я продаю за границу.

— Мне плевать на него. Пусть попробует диктовать мне свои условия.

Огнеяр Архаров, черт бы побрал этого головореза. После смерти отца, я всеми силами пыталась занять его место, но клан упорно отрицает притязания девушки на место главы. Ещё и такой молодой. Но это место по праву моё, и я считаю, наличие или отсутствие яиц не играют в этом никакой роли.

Единственной возможностью взять власть в свои руки становится замужество. Мне сказали, что если я выйду замуж, то смогу править вместе с мужем. У меня есть время до того момента, пока Дамир — VIP, ответственный за структуру власти в России, выбирает нового кандидата, отправив нам временно друга моего отца... Огнеяра. Вот только проблема в том, что после последней нашей встречи, он слегка... зол на меня. А если учесть его психопатические наклонности, то

у меня явно проблемы...

Но разве это повод отменять очередной рейд и оставлять больницы без ежемесячных пожертвований?! Для меня — нет.

— Тогда отдаю приказ организовать все на следующую неделю. Может, на этот раз вы останетесь дома? — спрашивает Георгий.

— Нет, я буду как обычно на руле, так что сделай так, чтобы охрана занялась Огнеяром. Нас итак мало.

Действительно. Тех, кто готов был пойти за мной и помогать мне не так много. Гораздо больше тех, кто знает, чем я занимаюсь, и просто молчат, пока не знают, кто займется место после моего отца. Пользуясь этим, я нехило так на-собирала денег для больниц, в которых прохожу практику. Стремление отца помочь самому незащищенному слою населения — пенсионерам и детям, закончилось вместе с его кончиной.

Сейчас я единственная, кому ещё есть до этого дело. Я продолжу то, что начал мой отец, даже если мне придется красть у своих же. Будь он жив, деньги от этих партий итак были бы перечислены в больницы, но сейчас... приходится действовать так, как велит судьба.

— Я отвезу вас на учебу, — Георгий цепляет мою сумку, полную учебников, а потом закидывает себе на плечо.

— Спасибо большое, сегодня последний экзамен перед каникулами, нужно вернуть книги в библиотеку, которые я брала, чтобы к нему подготовиться.

Схватив в последний момент зонтик, выхожу из дома. Погода в последние дни совсем не радует. Лето, а у нас уже неделю льют дожди.

Огнеяр

Дождь барабанит о стекло машины так назойливо, что начинает болеть голова.

А когда у меня болит голова, кто-то другой ее лишается.

— Босс, мы приехали, — говорит мой водитель, останавливаясь у огромного особняка Грача.

Петр Грачев был хороший мужик. Север отправил меня присмотреть за его землями, пока Дамир не назначит нового главу клану, и последнее, что я, блядь, хотел бы делать, это присматривать ещё и за его идиотской дочерью.

Таисия Грачева... Дьявол в обличии ангела — это явно про неё. Каждый раз поражаюсь, как такое красивое лицо могло присобачиться к ее дьявольскому характеру.

Сколько раз видел, столько раз хотел придушить.

Обычно мне похуй на людей. Живут и живут, не живут, значит так надо. Но она... Каждый раз, когда она со страхом смотрела на меня, а потом делала какую-то дичь, я задумывался о наличии мозгов в ее голове.

И каждый раз поражался как лютая отличница и подающая надежды в медицине девушка может быть такой безмозглой.

Загадка.

А я терпеть ненавижу загадки. Хочется сразу убивать.

Смотрю, как к моей машине подходит охранник, и опускаю стекло. В нос тут же ударяет запах свежести и летнего дождя. Нормальный человек ощутил бы умиротворение от чего-то подобного. Я же не чувствую ничего. От слова совсем. Мир серый, люди в нем лишние, а цель в жизни — это что-то, сказанное на непонятном языке. Выполнив последнюю просьбу Севера, я сказал ему, что дальше уйду в свободное плавание, потому что крутиться в кругу мафии — это значит подчиняться. А я физически не умею это делать.

— Здравствуйте, госпожа запретила въезд в особняк, — чеканит мужик в черном костюме и с рацией в руках.

Я оглядываю его беглым взглядом, а потом маню двумя пальцами. Тот наклоняется и не успевает даже сосредоточиться на том, что я ему скажу, как я хватаю его за горло через открытое стекло и несколько раз бью о раму машины.

Хруст его носа и растекшаяся по носу кровь не вызывает внутри эмоций, и это утомляет.

— Передай Госпоже, что приехал Архаров. Пусть насладится последними днями свободной жизни, — ухмыляюсь, отшвыривая от себя охранника.

— Заезжай, — спокойно говорю водителю. — Если надо — выбей нахуй эти ворота.

Посмотрев на меня с ужасом в зеркало заднего вида во-

дитель тяжело сглатывает и заводит машину.

Утомительно... Как же, блять, все скучно и утомительно.

промики на запретная для Севера♥#

ТрпAvhAH

SKOfR3Vs

ZNoAXahC

Огнеяр

Огнеяр Ринатович Архаров — 28 лет. Психически неуравновешенный, эмпатичный.

По просьбе Севера — криминального авторитета Сибири, Огнеяр уехал с Новосибирска на Урал в Екатеринбург, чтобы помочь управлять городом в период, пока Север не назначит нового главу, так как старый умер (он был хорошим знакомым Огнеяра, криминальный авторитет Урала - Петр Грачев (грач) и по совместительству отец нашей главной героини.

Таисия

Таисия Петровна Грачева — 20 лет, учится в медицинском, сейчас на каникулах, ибо лето. Настоящая дочь своего отца, с виду милая, а за спиной у него воровала часть его товара, сговорившись с его помощником, и продавала, после чего вносила деньги в пожертвования для детских больниц, в которых проходила практику.
 Они с главным героем уже встречались, заочно знают друг друга (как познакомились раскрою позже). Она его ненавидит, он хочет ее прибить.
 Нууу, что есть, с этим и работаем ##

С героями познакомила, очень надеюсь, что они вам понравятся так же, как и мне, потому что я уже в них влюблена
♥#

Мне будет очень приятно увидеть ваши звездочки на книге и подписку на автора ♥#

Пристегивайтесь, вас ждет нечто нереальное#####

Глава 2

Тая

— Что он сделал? — кричу в трубку, и уже чувствую, как из ушей бешено шпарит пар.

Гребаный ублюдок! Это сколько ж в нём говна, что он человека ни за что избил?! Монстр.

— Ладно, Гео, я решу, пусть живет в моем доме. Привези мне побольше отравы от нежеланных дома грызунов, буду ему в еду их сыпать, ублюдку! — сбрасываю звонок, а потом ловлю направленные на меня с ужасом глаза библиотекарьши.

Натянуто улыбаюсь.

— Это шутки у нас такие. С братом...

Женщина тоже натянуто улыбается и кивает, продолжая принимать мои книжки.

Чувство неловкости высшего левела. Он только успел приехать, а уже ощущаю дискомфорт от его присутствия. И вот что ему в отеле - то не сиделось?! Обязательно в мой дом приезжать?!

Закончив в университете, понимаю, что это был последний день перед двумя месяцами каникул. По плану практика в больнице и несколько запланированных рейдов.

Подумываю ещё записаться на какие-нибудь курсы, только бы отвлечь себя от ощущения тяжести, возникающего на сердце в моменты, когда я остаюсь в этом мире совершенно одна. Склизкое такое ощущение. Совсем неприятное. И вряд ли присутствие мерзкого существа в доме мне поможет.

На всякий случай звоню Таньке — подружке, с которой с десяти лет вместе, и даже на один факультет поступили, и говорю, что я планирую записаться на гимнастику, так что мне срочно необходима ее поддержка.

Танька с очередным отчаянным вздохом соглашается, сказав, что я когда-нибудь убью ее своими авантюрами, но на деле, уверена, благодарна мне, что в старости ей будет что вспомнить кроме розовых обоев своей комнаты.

На выходе из ворот университета в последний раз оглядываю его, а потом сажусь в свою тачку и еду напрямик в логово примастившегося не на своем месте зверя.

Однако как только доезжаю до дома и пытаюсь заехать через ворота во внутрь, вижу, как какая-то коробка пытается выехать.

На ум приходит только одно имя. Мой «гость» желанный решил развеяться? Но мое гостеприимство просто не может позволить этому случиться.

Развернув машину поперек, я перекрываю ему дорогу, и с выражением полного удовлетворения на лице открываю дверь своей оранжевой красотишки, задорно спрыгивая на застеленную во дворе плитку.

Огромный внедорожник резко останавливается, и только я хочу с высоко поднятой головой пройти мимо, как она снова заводится, а потом эта чертова гребаная коробка резко сдает назад и таранит своим задом мою малышку.

— Ты гребаный придурок! — кричу, подбегая ближе. Хочу уже грохнуть по тонированному стеклу, боясь даже смотреть на то месиво, что он сделал с моей ламбой, но меня опережает резкий взмах в воздухе, после чего из открытой двери внедорожника выходит... дьявол.

Ленивые движения, высокомерный хищный взгляд и, черт бы побрал его идеально красивое лицо, словно с обложки журнала. Где таких лепят вообще?! Судя по его характеру, определенно в аду.

Он скрещивает на своей груди руки, больше похожие на орудия для пыток, а потом прислоняется к машине.

— Ты в курсе, что ты мне тачку испортил? — не вижу смысла тянуть с прелюдией. Предпочитаю сразу в лоб. — Ты вообще знаешь, сколько она стоит? Ты...

Я замолкаю, когда Огнеяр отталкивается от машины и делает шаг ко мне, потому что инстинкт самосохранения такто врожденное качество.

— Кто тут пишит с утра пораньше? — недовольно выдает он. — Какая-то муха, посмевающая думать, что вот это, — он окидывает презрительным взглядом мою красавицу, — может помешать мне выехать.

Пишит? Муха? Это он обо мне сейчас?!

— Ты... ты не мог бы убратся отсюда вместе со своим монстром? — на выдохе говорю я, пытаюсь собрать все свои нервы воедино. Спокойствие. Просто грубый неотесанный невероятно жестокий и злой на меня тип. Ничего страшного. Нервно переминаясь с ноги на ногу, жду его реакции.

А он, словно я вообще ничего ему не сказала, достает сигарету и закуривает передо мной!

Просто неслыханный наглец. И когда я уже отчаиваюсь услышать его ответ, он, наконец, произносит.

— Ещё что хочешь? — с вызовом спрашивает так, словно скажи слово, и он мне кишки на горло намотает.

— А ещё оплати ремонт машины, — добавляю уже тише. Ну а что? Вообще-то я все деньги сейчас на деток трачу, где мне взять такую сумму сейчас на ремонт моей девочки, которую он в полуфарш своим агрегатом превратил!

Его глаза округляются, а потом наоборот, сужаются в хищном прищуре.

Огнеяр откидывает окурок в сторону, а потом хватается меня руку. От неожиданности вскрикиваю, и к нам тут же подбегает охрана.

— Уберите его от меня, Господи! — возмущенно кричу я, но он одним своим кивком загоняет их обратно.

Что, блин?!

Какого черта вообще?! Он затаскивает меня в дом, а потом заводит на кухню.

— Тебе что, блин, жить негде? Может в отель поедешь? Так уж и быть, можешь не платить мне за ремонт машины, я с удовольствием отремонтирую ее сама, только свали из моего дома! — кричу, царапая его руку, а когда он с бешеным взглядом поворачивается, несмело добавляю, — пожалуйста.

— Да ты хамка, каких поискать, Тая, — делает акцент, словно резкий укол, на моем имени. — Радужный прием для важных людей ты именно так организовываешь?

— А где ты людей увидел? У меня с некоторых времён не дом, а зверинец стал!

Он, словно подтверждая мои слова, хищно скалится, и у меня чуть сердце не останавливается.

— Как мило, я приехал охранять дочку друга, а встретил здесь писклявую муху. Видимо, у тебя все же не зверинец, а инсектариум, — монотонно говорит этот монстр, а потом откидывает меня от себя так, что я чуть не падаю, следом взяв салфетку и вытерев руки.

Вот же скотина такая. Еще и умная скотина, видимо, учитывая его углубленные познания в местах обитания насекомых.

Это мне следует отмываться от его грязных лап на своем красивом тельце, а не этому неандертальцу.

— Значит, ты сваливать не собираешься, да? — кошусь на него, а сама одной ногой готова удрать, если сделает что-то резкое.

Но он и не пытается. Развалившись на кресле за столом, он закидывает ногу в районе голеностопного сустава на колено другой ноги и, подперев руку под подбородок, нагло рассматривает меня.

— Прикольно, — единственное, что он говорит, и я вообще улетаю. Беру свои слова назад по поводу его ума. Похоже он, наоборот, умственно отсталый.

— И что в вопросе «ты не собираешься сваливать?» смешного и прикольного? Может скажешь все-таки по-человечески?!

— То, что ты до сих пор думаешь, что этот дом твой, — теперь уже нагло ублюдок, лишая меня дара речи.

— Либо ты выметаешься отсюда... — начинаю я, но не успеваю закончить. Меня словно парализует в ту же секунду, как он достанет нож и резко кидает в меня. Лезвие пролетает в миллиметре от моего лица так, что я даже исходящий холод от разрезаемого им воздуха почувствовала.

Я застываю, сердце выскакивает прямо в горло, и только чудом сдерживаюсь, чтобы не заорать на всю кухню, как сирена. Нож с металлическим звоном втыкается в дверцу шкафа у меня за спиной и нервирующие вибрирует. Не дышу. Не мигаю. Даже мыслей ноль.

Я под одной крыше с психопатом, спасибо тебе, папочка...

— Ты с головой вообще не дружишь, да? — говорю шепотом, делая несколько рваных вдохов. — Ты... ты же поцарапать меня мог.

Огнечар смотрит на меня с невозмутимым хищным спокойствием, будто ничего особенного не произошло. Только глаза у него темнее ночи, и в них таится такая угроза, что мороз ползёт по коже.

— Поцарапать? Ты обо мне лучшего меня, Таисия, — ухмыляется чёртово чудовище.

— Т-ты что, убить меня собирался? — делаю шаг назад, а этот придурок так и сидит на кресле и смотрит на меня с

ухмылкой.

— Почему в прошедшем времени, Тая? Это слишком скучно.

Меня аж трусить неподдельно начинает. Он точно маньяк! Психбольной!

— Успокойся, мне просто захотелось понаблюдать над тем, как ты от страха из штанов выпрыгиваешь. Не зря говорят, что инфузории — твари быстрые.

Что, блин?! Он меня с инфузурией сравнил?!

Задыхаюсь от такой наглости. Ни сил, ни терпения больше нет. Гребаный садист, я же сейчас выгляжу, как героиня хоррора в первой же сцене! Если б могла, я бы ему этот нож глубоко и далеко засунула! Вместе с его издевками!

Словно услышав мои мысли, этот монстр хмурится, поднимается и идёт ко мне. Инстинктивно шагаю назад, пока не вжимаюсь в стену. Сердце колотится о ребра, а бешеная энергетика дьявола душит, парализуя.

Чувствую себя той самой мухой, с которой он меня сравнил и которую собираются прихлопнуть. Но вместо удара слышу щелчок — он небрежно достаёт нож из шкафа, а когда я уже думаю, что развернется и уедет, он берет меня за подбородок жёстко, даже больно, заставляя посмотреть ему в глаза:

— Привыкай, Тая. Пока я здесь, приказы отдаю я. Живешь так, как сказал я. Даже дышишь только когда я разрешаю.

— С чего это вдруг?! Почему я не могу выгнать тебя из своего же дома?! Я же не буду жить здесь с непонятным мужчиной!

Он скалится, наклоняясь ближе.

— Ты можешь выгнать пришедших к тебе гостей. Но я не гость.

Я отталкиваю его руку и со злостью вытираю подбородок, словно его прикосновение могло оставить там след.

— И что теперь, мы правда будем жить вместе?

Он не отвечает. Посмотрев на меня сверху вниз уничижительным взглядом, он разворачивается и просто выходит, после чего я слышу громкий хлопок входной двери и гул от его заведенной коробки.

Пока прихожу в себя понимаю, что жить я хочу больше, чем с ним ругаться. И игнорировать тот факт, что он просто взял и кинул в меня огромный нож — невозможно! Мне нужно валить от него. Захотел остаться в доме — не беда. Пусть сидит в нем на здоровье, пока не закончит здесь свои дела. Я съеду пока на квартиру.

Мои конечности мне дороже гордости.

Вот только... деньги на ремонт машины пусть вернет, а потом что хочет пусть делает!

Собрав все свои шмотки, я, не долго думая, выхожу во двор, по дороге вызывая такси. Черт бы побрал этого гребаного психа, чтобы я ещё находилась с ним в одном доме.

Грохнет, не задумываясь, пока моя бедная психика ещё отходит от его недавнего экспресс-текста на мою выживаемость, черт его дери, демона!

Тяжелый чемодан еле движется, шаркая по плитке колесиками. Тяну его за собой, двигаясь задом, пока моя пятая точка не врежется во что-то твердое.

Медленно оборачиваюсь, мысленно чертыхаясь, и уже хочу закатить скандал своей охране, как встречаюсь взглядом с каким-то лысым огромным мутантом. Чем-то похож на нашего Огненного, только тот хотя бы на лицо красивый.

— Не положено выходить, — басит над моей головой, раздражая слуховые рецепторы.

— Не положено что?! — круто разворачиваюсь, впериваясь в него убийственным взглядом. — Я ему что, зверушка на поводке? Что за бред вообще?

— Босс сказал, чтобы вы сидели и ждали его.

Замечательно. То есть сначала этот тип таранит мою тачку, потом заваливается в мой дом, теперь ещё и меня не выпускает? Сейчас прям!

Яростно ныряю в дом, оставив свой тяжеленный чемо-

дан на лысого, и бегу в свою комнату. Взяв небольшой рюкзак, кидаю туда все необходимое: телефон, деньги, немного сменной одежды, газовый баллончик. Глубоко вздохнув, последний раз оглядываю свою комнату, а потом иду к другому входу, ведущему к нашей внутриворотовой беседке, и не доходя до него, открываю окно и вылезаю, спиной прижавшись к стенке.

Передвигаюсь бочком, выглядывая из-за угла, и тут же прячусь обратно, замечая у второго входа охрану.

Скотина, и туда людей поставил.

Черт возьми, — думаю, откинув вверх голову и смотря на голубое небо и... ветку, загораживающую мне обзор. Взгляд скользит вниз. Потом на огромную стену нашей загородки прямо рядом со стволом.

План вспыхивает мгновенно, а потом я скулю от отчаяния, когда смотрю на свое платье. Ну и что? Ну кто будет на меня смотреть снизу?! Спрыгну и забуду об этом.

Упав ничком, ползу к дереву по отросшему газону. Слава ленивому садовнику, сегодня я благодаря ему смогу выйти из дома. Забираюсь на толстый ствол дерева легко. Даже забавно вспоминать детство в двадцать-то лет. Однако стоит мне долезть до уровня ограды, я понимаю, что до нее довольно далеко.

Черт возьми! А ведь снизу казалось, что там всего четверть метра. А на деле...

Тяну ногу к ограде и сто раз про себя ругаюсь за то, что

родилась полторашкой. Нога категорически не достает, если только оттолкнуться второй... Но стоит мне только это сделать, я повисаю между стеной и деревом, растянувшись чуть ли не на шпагате и удерживаясь лишь руками от падения.

— Господи, помоги мне, — шепчу спустя несколько минут своих безрезультатных попыток исправить положение. Ноги затекли, а в руках совсем не осталось сил.

— Так меня ещё никто не называл, — звучит подо мной голос монстра, и теперь я мечтаю не о помощи... я мечтаю раствориться, ну или как минимум свести ноги, но если я это сделаю, с перспективой в восемьдесят процентов сломаю одну из них в лучшем случае.

— Уйди! — кричу, повисая на одной руке, сомкнув вторую ногу на весу. Хватает ровно на две секунды, после чего я снова ставлю ее на место.

— Занимательный вид, — словно назло Огнеяр подходит и становится прямо подо мной, вздернув голову вверх. Боже ты мой! Главное, не смотреть! — Теперь понимаю, о каком зверинце ты говорила. Медитируешь, скосив под ленивца?

Если бы можно было сделать фейспалм, я бы сделала это сейчас дважды.

— Судя по твоим стрингам — развратного ленивца.

— У тебя что, женщин никогда не было? Какого черта ты пялишься на меня?! — кричу истерически, руки уже не держат. Ещё чуть-чуть, и я просто свалюсь этому чудовищу на голову.

Хотя...

— Яр... — мгновенно меняю тон голоса. — Раз уж ты тут... может, поможешь мне?

— Зачем? Меня и так все устраивает, — облокотившись о ствол, он вздергивает брови и смотрит на меня, ухмыляясь.

Чёртово бесчувственное чудовище!

— Ну... ты разве не хотел бы, чтобы мы там язык общий нашли...

— Предпочитаю, чтобы твой держался подальше от моего, — равнодушно выдает он.

Это он что, напоминает о том случае?! Помнит?! Ладно, переспрашивать вот совсем не хочется.

— Я вообще-то говорю о том, чтобы мыладили. Разве ты не хотел бы этого?

— А. Ты об этом. Да мне как-то насрать, что ты будешь думать. Все равно будешь делать, как я сказал, — монотонно выдает он.

Гребаный бесчувственный монстр!

— Тебе что, доставляет удовольствие наблюдать над мучениями людей? Ну мне сейчас правда нужна помощь.

— Тебе сейчас ремень нужен, не меньше. Разве тебе не сказали, чтобы ты дома сидела?

Дома сидела? Он что, первый день меня знает? Да сколько раз это чудовище у нас гостило! Пора бы уже понять, что манипулировать дочерью грача — себе дороже.

— Вообще-то я хотела пойти за тобой, — тут же включа-

юсь.

— Нахера?

— Ты мне денег должен.

Кажется, он даже глаза расширяет от удивления.

— Поразительная идиотка, — цедит себе под нос он, а потом отталкивается от ствола. — Ладно, я помогаю твоей заднице оказаться на земле, а ты слушаешься и по возможности не раскрываешь рот.

— А что будет, если раскрою? — Он резко бросает на меня яростный взгляд. — Ну я же просто узнать, какие у тебя там границы вообще есть...

— У меня нет границ, Тая. Особенно когда я вижу тебя в стрингах. Убью, перед этим, скорее всего, пару раз трахну, — говорит обыденно, словно сейчас не угрожает мне тройной жестокой расправой.

Тяжело сглатываю, а потом несмело отвечаю:

— Ладно, у меня руки уже болят, сил нет, я сейчас просто упаду, — ною, и когда рука соскальзывает, я вскрикиваю, ощущаю жесткую сию притяжения, и уже зажмуриваюсь от страха переломать себе все кости с такой-то высоты, пока крепкие руки не ловят меня, прижимая впритык в своему каменному телу. От него пахнет табаком, мятой и чем-то терпким, восточным. Очень вкусный запах. Хочется вдыхать и мечтательно раскладывать ему на оттенки. Тело горит. В местах, где он меня держит, кажется, уже разгорается полноценный огонь. Я чувствую его дыхание на своей шее,

и это щекочет нервные окончания. Я несмело оборачиваюсь, успокаивая внутренний хаос, и смотрю ему в глаза.

Огнеяр держит меня всего несколько секунд, крепко прижимая к себе и смотря расфокусированным взглядом, периодически слишком часто останавливающимся на моих губах

...

— Ты... — тяжело сглатываю, смотря на него так близко. Он правда дьявол. Люди не могут быть такими красивыми. Идеальные черты лица: квадратный подбородок, впалые щеки, острые скулы, крупные глаза, в которых бессознательно тонешь... пока не вспоминаешь, что вообще-то это тело принадлежит психбольному маньяку. — Спа... — не успеваю его отблагодарить, как он в очередной раз доказывает мои опасения по отношению к нему, когда резко отпускает, и я падаю задницей прямо на землю.

— Ты больной?! За что?!

Страхнув невидимые пылинки со своей футболки, монстр безглаголиво окидывает меня взглядом сверху вниз.

— Я не понял недовольства. Я обещал спустить твою задницу на землю, и сделал это.

Хочется вклепить ему затрещину в лоб. Прости, Господи!

— Так, раз уж на то пошло, к чему эти ограничения? Ты мне кто вообще, что из дома не выпускаешь? Охрану приставил.

— Сейчас опасно. Сиди дома и не мешай мне.

— С чего это? Я вообще-то как-то жила до твоего приезда, жива и здорова, между прочим.

— Ещё раз мои люди позвонят мне и скажут, что ты пытаешься сбежать — накажу. Мне понравится, тебе — нет.

У меня аж глаз дергаться начинает. Их где таких гибридных выращивают?! С чувством самомнения размером с космос!

— Так, все, — жму на виски, изрядно подустав за один день от непрошенного гостя. — Я съезжаю на свою квартиру, раз уж ты так нагло обосновался в моем доме, а ты дай мне денег на ремонт машины, и так уж и быть, я забуду о том, что ты пытался меня убить.

Закончив свой монолог, смотрю на скучающего Огнеяра, который мало того, что не отвечает мне, так он ещё и разворачивается и тупо уходит!

Бегу за ним, в надежде, что, возможно, он из века динозавров и идёт доставать мне деньги наликком, но ублюдок садится в свою коробку и начинает сдавать назад.

— Куда?! — кричу, размахивая руками. — Ты ничего не забыл?! Да обалдеть просто!

Монстр круто разворачивается, и боковая дверь его машины как раз оказывается возле меня. Не медля ни секунды, дергаю ручку и прыгаю на сидение.

Он вздергивает брови, брезгливо окинув меня взглядом.

— Выйди, иначе мне придётся тебя вытолкать.

— Ты не посме..., — не успеваю договорить, как Огнеяр наклоняется, открывает дверь своей машины и одним движением, словно соринку веником, выметает меня из своего кресла так, что я чуть не валюсь на плитку.

— И ладно, раз уж я испортил твою машину, и ты ждала

от меня денег, то вот, — достает пачку, протягивая ее мне, и когда я уже подумываю за ней потянуться, он отпускает руку, позволяя купюрам рассыпаться прямо мне на лицо.

Долбаное бессердечное чудовище!

— Ты... — его гневный взгляд, направленный прямо на меня, словно возвращает моему телу позабытые инстинкты самосохранения, и я молчу вплоть до того момента, пока он не выезжает из-за ворот.

Ну и тварь бездушная.

Хлопнув по плитке, убираю от себя деньги. Потом собираю их в стопку и решительно намереваюсь швырнуть ему так же их в ответ.

Вопрос в том, смертельно ли это, или особо тяжкими обойдусь?

2 года назад

Смотрю сквозь едва приоткрытую дверь комнаты и старательно прислушиваюсь. Голос отца трелью отдается в моей голове, заставляя уже сейчас начать нервничать.

— Я давно уже болен, Огнеяр. И если не твой отец, который сейчас в бегах, остаешься только ты. Вы с Ринатом единственные, на кого я мог бы оставить дочь.

— Ты не можешь ее на меня оставить, следить за маленькой девчонкой — не моя забота, — сказавший это мужчина оборачивается, и я многократно выпадаю.

Во-первых, из-за того, что он в принципе разговаривал с отцом в таком тоне. Во-вторых, что он остался после этого жив. Ну а в третьих, потому что, черт возьми, он очень красив.

Кажется, красив настолько, что наглые бабочки в животе начинают вальсировать без разрешения. Хочется смотреть на него постоянно, следить за мимикой, которая лишь изредка меняется с холодного выражения на ледяное. Такой огромный, такой мужественный...

Обняв пылающее лицо ладошками, прижимаюсь лбом к двери, вглядываясь ещё пристальнее, пока в один миг мужчина не меняет траекторию своего взгляда и не встречается

с моим.

Дрожь пробегает по телу ударной волной, дыхание спирает, словно меня в один миг лишают кислорода. Тёмный хищный взгляд мужчины завораживает, не позволяет отстраниться и сбежать.

— Всего пару лет, Архаров. Для тебя это чушь, а для меня спокойная смерть.

Сердце сжимается от того, что говорит отец этому мужчине. Его болезнь ни для кого не новость, и уже на протяжении года меня готовят к тому, что я останусь одна, без него... Без человека, который для меня все. Но все равно слышать это каждый раз больно. А если учесть, что сейчас папа пытается спихнуть на этого мужчину мою судьбу, мне страшно вдвойне.

Огнеяр, как назвал его отец, не отводит от меня глаз. Смотрит с прищуром, словно издеваясь.

— Не боишься оставлять со мной свою дочь, грач? — наглееет гость, ухмыляясь. У меня от такой наглости уже глаз дергаться начинает.

— Не думаю, что ты настолько обезбашен, чтобы причинить ей вред, — отец отмахивается от него, словно тот пошутил, но взгляд мужчины, который я на себе ощущаю, говорит мне, что никто в этой комнате не шутит. Как по мне, такой человек просто не может шутить. Энергетика пугающая, подавляющая, но между тем жутко притягательная. Как запретный плод, который так и хочется укусить.

Мысли о том, как я кусаю его огромный бицепс, заставляют лицо заливаться краской. Словно потеряв ко мне интерес, Огнейр закрывает глаза и медленно переводит взгляд на отца.

— Не будь так уверен, — холодно отрезает он, и взгляд отца тут же меняется. Он понимает, что разговор накаляется, поэтому спешить перевести тему в рабочее русло.

Отшатнувшись от двери, бегу в свою комнату. Стук сердца отдает в уши, и я кладу руки на грудную клетку, чтобы немного себя успокоить.

Нужно срочно позвонить Таньке!

Набираю наизусть заученный номер подруги и расхожусь из одного угла комнаты в другой, пока нервно ожидаю ответа.

— Тая? — спрашивает Танька, почуяв неладное, но и я слышу в голосе подруги странные ноты и посторонние шумы на фоне.

— Ты где? Что с голосом? Почему грохочет в трубку, ты разве не домой должна была поехать?

— Я... — подруга мнется, и я уже чую неладное. — Должна была поехать домой, но Саша упрямо потащил меня на днюху Игната.

— Господи, Тань! Ты же... зачем?

Голос подруги сникает, и я понимаю, что ей сейчас даже хреннее, чем мне.

Саша Клевцов — ее новый парень, с которым она начала

встречаться назло Игнату, которого любит в детства. Но, к сожалению, этот придурок видел в ней лишь младшую сестренку, а после того, как она начала встречаться с Клевцовым, в нем снизошло озарение.

Теперь все вокруг видят, как хреново этим двоим, только они никак не снизойдут пониманием до этого. А Клевцов от ревности раз за разом испытывает Таньку на прочность, козел.

— Тай, мне так плохо, — ноет Танька. — Я опять вижу кучу девиц возле него, а Ангелина то и дело норовит ему вечно на колени сесть, убить ее хочется.

— Тебе нельзя, твоя сестра юристом стать хочет. Нарываешься на то, чтоб от тебя отказались родители нахрен? — шучу, натягивая на себя джинсовую юбку, пока телефон на громкой связи. — Я ее сама грохну, моя биография и без этого во всех оттенках алого сверкает, так что жди.

— Тая-я-я, — тянет она, — хватит шутить. Мне грустно вообще-то, а теперь смеяться хочется.

— Смеяться ты будешь, когда я и Игната твоего, и его Ангелину закопаю.

— Говоришь как твой отец, — не выдержав, все же смеётся она.

Таня — единственный человек, которого папа принял в нашем доме из моих знакомых. Мы с ней выросли вместе. Она видела, чем занимается мой отец, знает, что он глава местной мафии, но для неё, на удивление, он самый обыкно-

венный Петр Александрович, с которым она периодически играет в шахматы.

У неё невероятный талант, который как раз и заметил папа. Он порекомендовал ее одному хорошему знакомому, чтобы тот помог Таньке развить талант, но у родителей подруги не было на него денег. Увидев слёзы Таньки, папа поехал к ее родителям и познакомился с ними, чего раньше никогда не было с другими моими подругами. Он сказал, что ее родители очень хорошие и честные люди, и предложил им работу в нашей компании. Таким образом Светлана Алексеевна и Роман Сергеевич стали частыми гостями в нашем доме, а Танька - одна из тех, кого мой черствый и жестокий папа бескорыстно полюбил и взял под свое крыло. Это лето мы с Таней проведем в Швейцарии, на практике в клинике «Рэндона». Эта клиника славится невероятными прорывами в операциях на сердце, а учитывая то, что мы обе поступаем в медицинский, эта практика для нас очень полезна. Но Саша... черт бы побрал этого гребаного абыюзера Сашеньку, который вечно Тане что-то приказывает, запрещает, и вообще перекрывает дыхание. Если он не отпустит ее в Европу, попрошу папу на день рождения избавить общество от придурочного дебила.

Ну а ввиду того, что до дня рождения ещё далеко, у меня в планах совершить миссию под название «рассорь подругу с парнем и вдохни полной грудью».

— Скинь адрес клуба, где он празднует, — говорю напо-

следок, прежде чем накидываю на себя легкий джемпер, заправляю его в юбку, мажу блеском губы и собираюсь улизнуть из собственного дома, потому что папа ни в жизнь меня не отпустит в ночной клуб.

Воспользовавшись тем, что папа сейчас занят разговорами о том, кому бы меня пристроить, я выскальзываю из дома, предварительно солгав охране о дополнительных занятиях с Танькой. Подтвердить у папы слова они не посмеют, пока он не один, а у меня действительно есть чем заняться с Танькой.

Например, прибить ее парня.

В клуб я гоню на бешеной скорости. Не так давно папа подарил мне белый порш, который как раз позволяет мне доехать до клуба за каких-то полчаса. В душе бурлит дикий адреналин, как и каждый раз, когда я творю что-то, что явно не понравится родителю.

Подъехав к огромному пестрящему яркими огнями зданию, захожу внутрь, пройдя фейс-контроль. Музыка грохочет так, что танцпол дрожит под ногами то ли от басов, то ли от полусотни перетянутых гламурных тел, пульсирующих в одном ритме. В воздухе витает запах алкоголя и смеси дорогих духов.

Пафосное место. Этим все сказано.

Оглядываясь, издалека вижу Таню и машу ей, но она меня не видит, лишь жмётся к барной стойке с грустным выражением лица, держа в руках стакан, который она сжимает двумя руками, закрываясь за ним, словно это спасательный круг.

Инстинктивно развязываю волосы — так я кажусь старше и наглее, а значит, чувствую себя уместней в этом змеином логове. Важно прохожу между столиками, невольно цепляю взглядом Игната, а тот как назло сидит и смотрит на Таньку, придерживая на руках Гелю, словно не понимая, зачем она рядом с ним вьется. На ней настолько короткое чёрное мини, что наклонись, уверена, будет видно ее трусы. Эта шалава обхватывает его шею и нарочно прикасается к ней губами, крашенными алой помадой.

Меня переполняет желание заехать ей в челюсть, но я вдыхаю, выдыхаю, потом обнимаю Таню со спины:

— Тань, привет! Твоей грустью можно поливать цветы. Чую, ты вот-вот расплачешься, возьми себя в руки, — кричу ей на ухо.

Таня оборачивается и натянуто улыбается, а потом ее взгляд уходит за мою спину. Как раз туда, где сидит Игнат.

— Та-а-ак, — разворачиваю ее, запрыгивая на барный стул. — Можно мне холодной колы, пожалуйста, — кидаю бармену, а потом забираю из рук Тани какой-то коктейль. — Это что, алкоголь?

— Ну да, и что, я уже могу себе его позволить, — Таня вырывает его обратно и выпивает залпом.

— Хватит спаивать себя, пошли танцевать лучше! Гораздо приятнее будет, чем нюни тут распускать!

— Никуда я не пойду! Тут сидеть буду, — ворчит Танька, вырываясь из моих рук, — ещё такой же, — поднимает пу-

стой бокал бармену.

— Та-ак, — тяну, догадываясь, в чем дело. — Где Саша?

— Ушел, — бурчит еле слышно подруга. — Сказал сидеть тут и никуда не рыпаться, иначе я пожалею. А я уже жалею, что пришла сюда. Дышать просто нечем, — она тянет горловину своей кофты, и меня вдруг такая ярость дикая накрывает.

— Сюда смотри, — хватаю ее за щеки, вынуждая взглянуть на себя. — Кто такой этот Саша, чтобы приказывать тебе, что делать?! Почему он тебе запрещать что-то должен?! Тем более танцевать! Быстро за мной! — я дергаю Таню на себя, на этот раз сильнее удерживая ее руку.

Подруга что-то бубнит за спиной, но я упрямо тяну ее за собой. Мы вырываемся из барной суеты на танцпол, где свет уже снижается, стробоскопы разрывают воздух мелкими вспышками, а низкие вибрации баса отдаются в животе.

Я тяну Таню ближе к центру.

Музыка оглушает. Таня ещё немного сопротивляется, и я начинаю танцевать первой, приглашая ее отпустить контроль вместе со мной. Она смущается, тело словно заблокировано внутренними барьерами, через которые я нагло переступаю, когда обнимаю ее за талию и притягиваю к себе ближе.

— Давай же, — кричу прямо в ухо. Ее плечи дрожат, но немного расслабляются.

Я качаю бедрами в такт музыке, откидываю голову вместе с поднятыми вверх руками и подстраиваюсь под ритм. Дви-

жения легкие, пластичные, позволяющие телу плыть вместе с музыкой.

Таня смотрит на меня и впервые за вечер улыбается.

Всего на минуту...

Потому что в следующую ее круто разворачивают и начинают тянуть из круга.

Я рвусь к ней, кричу, чтобы она остановилась, но толпа не выпускает, а когда я все же прорываюсь сквозь неё и бреду в сторону туалетов, вижу заплаканное лицо подруги и Игната, сидящего на Саше и наносящего четкие, отточенные удары прямо ему в лицо.

— Тише, — я обнимаю, Таню, отворачивая ее от месива, на которое уже начинают сходиться люди.

— Стой, — слышу в спину голос Игната. — Не уходи, Тань, — его голос хриплый, низкий. Подруга разворачивается, но не успевает ничего сказать, я опережаю ее, отвесив Игнату хлесткую пощечину.

— Ты должен был избить его ещё давно, а не позволять так относиться к той, кто встречается с ним только назло тебе, — произношу сквозь зубы прямо у его лица так, чтобы Таня, оставшаяся за спиной, ничего не слышала.

Обернувшись, собираюсь выбраться из этого дермища вместе с Танькой, но Игнат нас догоняет и, перехватит руку подруги, тянет ее на себя.

— Я отвезу тебя, — не спрашивает, утверждает, — и нам нужно поговорить. Тай, я вызову тебе...

— Я на машине, и не пью, так что оставь свое благородство для Тани, у тебя его итак дефицит, — кидаю на него недовольный взгляд и слежу за тем, как они с Таней уходят.

Я захожу в туалет, умываюсь, несколько секунд смотрю в зеркало, думая о том, что это именно та причина, по которой я и не хочу заводить парней. Нервотрепка и боль. И больше ничего...

Когда выхожу из туалета, ощущаю себя по странному одиноко и еще такое жуткое чувство, что на тебя кто-то смотрит. Даже страшно становится, оно такое липкое, на паранойю смахивает.

А когда вижу отмывшегося от крови Сашу, явно нацеленного на меня, становится ещё на один градус жарче в моем персональном внутреннем аду.

Он явно пьяный, глаза бешеные, скулы сведены.

— Это все из-за тебя, ебаная сучка! — ублюдок замахивается и оказывается возле меня так быстро, что из всего того, чему учил меня папа, я успеваю только зажмуриться и сильно испугаться.

Я ожидаю удара, которого не следует, а когда открываю глаза, натыкаюсь взглядом на...

Огромный разлет плеч, идеально вылепленное лицо, слегка ленивый, равнодушный взгляд, который в первую встречу, кажется, свел меня с ума.

Это ведь мужчина, который был с папой... Что он здесь делает?!

Сжав руку Саши, он на моих глазах берет и ломает ее надвое так, что кость из руки Саши начинает выпирать сквозь натянутую кожу, вырывая из моего горла дикий первобытный крик ужаса.

Огнеяр поворачивает голову на меня, и под его взглядом я инстинктивно замолкаю, лишь слыша стоны Клевцова.

— Откроешь ещё раз рот, на месте этого, — он кивает на сломанную руку Саши, — будет твоя шея.

Я инстинктивно закрываю рот, а в следующую следующую секунду уже бегу за этим психом, после его короткого «за мной».

Он, словно никуда не спеша, оставляя за своей спиной крики и хаос, преспокойненько идет себе вперёд, будто ему вообще пофиг на то, что он руку человеку сломал! Внутренний демон, конечно, ликует, ведь эта самая рука вообще-то над моей головой висела, и явно не погладить хотела, но филантропская и альтруистическая сторона моей души все же в афиге.

Ещё у меня есть третья сторона — филокалическая (прим. Филокалист — человек, который находит и ценит прекрасное во всем). И черт бы ее побрал, потому что при всем этом, он кажется таким красавчиком, что порой хочется засмотреться и не отрывать взгляда.

Да стремно!

— А куда мы идём? — спрашиваю, когда оказываемся на улице и судя по всему явно направляемся не к моей машине.

Он молчит, и это начинает даже немного подбешивать.

— Я, конечно, благодарна тебе, что ты меня защитил и все такое, но тебе не кажется, что ломать человеку руку — это слегка перебор. В моем окружении только Танька знает, что мой папа из криминала, перед остальными я бы предпочла

не светиться, особенно таким образом.

Выдав все, как на духу, я поднимаю голову и, хлопая невинными глазами, ловлю его ленивый взгляд. Он задерживается на мне всего пару секунд, прежде чем это чудовище произносит то, от чего у меня колени дрожать начинают:

— Когда ты много болтаешь, мне хочется отрезать тебе язык. Думаю, грач переживет.

Тяжело сглатываю, замолкая, и он, снова продолжая идти, доходит до огромного черного внедорожника и открывает мне дверь.

— Садись, — грубо приказывает.

— Не сяду, — скрещиваю руки на груди, стараясь выглядеть хотя бы немного уверенно, но, судя по его выражению лица, это его даже забавляет.

Какой же придурок.

— Сядешь. Ну или другим способом поедешь, — угрожающе ухмыльнулся он, и у меня закралась малюсенькая надежда на то, что он все-таки шутит. Ну не станет же друг папы, которому он дочь доверить хотел, так с ней обращаться. Нет, я папе доверяю, мужик явно шутит. Да только не смешно и как-то унизительно.

— Я поеду на своей машине домой. Спасибо за помощь, но в следующий раз будьте к людям добрее и просто врежьте ему, вместо того, чтобы руку ломать, всего хорошего, — я говорю ему это прямо в я бы сказала удивленно лицо. Точно сказать не могу, ибо разлет его эмоций на лице был от лениво

угрожающего до гневно убивающего. Других разглядеть не успела, их будто не было.

Я разворачиваюсь, чтобы уйти к своей машине, но не успеваю сделать и пары шагов, как слышу за спиной шумный вздох и какой-то звук, похожий на то, что он открыл дверь.

Как же я ошибаюсь...

Взлетев вверх вместе с вырвавшимся из горла визгом, я ощущаю на своем теле звериную хватку его рук. Он перехватывает меня за живот одной рукой, подкидывает, и ловит мои ноги, а потом, абсолютно не церемонясь, швыряет в... нет, НЕ САЛОН! В багажник!

— Чертов психопа-а-ат! — ору во все горло в его уставленное на меня сверху вниз идеальное, черт возьми, лицо на фоне черного, как моя жизнь, неба, пока их не перекрывает не менее черный задний капот багажника.

Сделав пару ударов о железного монстра я сдаюсь и выдыхаю. Твою ж мать... что происходит-то? И с этим чудовищем папа решил оставить меня после своей смерти? Кажется, этот псих убьет меня быстрее, чем возьмет надо мной мнимое опекунство.

Глава 7

Мы едем долго.

Не знаю, сколько точно, но, кажется, время тянется бесконечно, и у меня с каждым вдохом заканчивается кислород. Я уже не говорю о том, что каждая кочка, каждый поворот отзывается болью в моём теле. Я пытаюсь выбраться, колочу кулаками по обшивке, но это бесполезно. Мои крики наверняка заглушаются рёвом мотора. Этот псих же не вздумал со мной что-то сделать?!

Хотя... он вообще-то человеку руку сломал! О чем я думаю вообще? Что он меня покатать в багажнике решил?!

Когда сил и терпения не остается, а руки болят от того, как я колочу о стену, машина замедляет ход, а затем резко тормозит. Меня бросает вперёд, и я ударяюсь головой о стенку. Шиплю от боли, проклиная гребаного придурочшного водителя.

Прислушиваюсь. И не слышу ничего...

Тишина. Полная, звенящая тишина, нарушаемая только моим сбивчивым дыханием и стуком собственного сердца.

Потом следует короткий звук открываемой водительской двери, затем шаги. Медленные, размеренные, уверенные. Моё тело напрягается до предела.

Хлопает замок багажника. Свет ударяет в глаза, и я жмурюсь, прикрывая лицо рукой. Затем, медленно, открываю их. И вижу его. Мужчина стоит надо мной, его лицо всё такое же невозмутимое, как и прежде. Он смотрит на меня сверху вниз, и я чувствую себя мелкой букашкой под его тенью, которая на фоне света фонарей, кажется ещё более зловеще красивой.

— Вылезай, — его голос звучит низко, без какой-либо эмоции. От этой интонации по коже пробегает холодок.

Я выползаю из багажника, ноги подкашиваются, а затекшее тело ноет от каждого движения. Ощущение такое, будто я провела там целую вечность. С трудом встаю на ноги и оглядываюсь вокруг. Темно. И лишь свет от фонарей освещает вокруг бескрайнее поле. Холодный, пронизывающий ветер тут же обволакивает, забираясь под одежду, и я инстинктивно обнимаю себя руками.

— Холодно, — недовольничаю тихо, мельком поглядывая на него.

Он молчит, лишь вопросительно выгнув бровь.

— У тебя нет какой-нибудь одежды? — делаю попытку разбудить в нем хоть какие-то эмоции. Видит же, что я замерзла, неужели нельзя хотя бы для приличия предложить что-то?

— Есть, — которого отвечает он, — как раз собирался надеть, — выдает мне, и я чуть возмущением не давлюсь. Вот же...

— Куда ты меня привез? Я уже молчу о том, каким образом, — иду за ним, пока он обходит машину, открывает заднюю дверь и действительно достает куртку, а потом... надевает на СЕБЯ — придурка кусок!

— Ты меня заставила сделать крюк, чтобы найти твою задницу и вернуть твоему отцу. Теперь подождешь, пока я решу свои вопросы.

— Здесь?! — киплю раздражением. — По такому холоду? Он оглядывает мой легкий джемпер, короткую юбку, задерживаясь взглядом на ногах дольше, чем того требовалось бы для обычного осмотра, а потом, шумно выдохнув, стягивает с себя куртку и идет ко мне.

Ну наконец-то... хоть что-то положительное за весь вечер. Я протягиваю руку, которая уже дрожит от холода, чтобы взять куртку.

— Спа... — не успеваю договорить. Огнечар проходит мимо меня, швыряя куртку мне на лицо так, словно я вешалка! — Да ты вообще из зверинца сбежал что ли?! — не выдержав, выкрикиваю я, сорвав с лица кожаную материю.

Но он уже уходит, оставляя за собой шлейф тяжелого, приторного, но очень подходящего ему парфюма. Того самого, каким сейчас отдает его куртка, оставшаяся в моих руках.

Какой же чурбан неотесанный, с ума сойти. Он вообще хоть кого-то за людей считает? Что за обращение?

Зубы начинают дрожать от холода и, наплевав на гордость, я натягиваю на себя его куртку, вдыхая в легкие его запах.

Дурацкое сердце странно тарабанит в груди, и я пытаюсь донести до него, что этот придурок не может вызывать такую реакцию, но на то оно и дурацкое, что нихрена не слушает.

Открыв машину и забравшись в салон, я начинаю согреться. Взглянув в заднее стекло, замечаю темные силуэты машины, несколько стоящих рядом людей, среди которых отчетливо выделяется огромная фигура Огнеяра. Я вижу едва различимое свечение от сигарет, а потом Огнеяр подходит к своей машине, достает из багажника какую-то бандуру, видимо, о которую я и билась всю дорогу, и передает им.

Спустя минут двадцать он возвращается и бегло кидает на меня незаинтересованный взгляд.

— Ты же не собираешься снова кинуть меня в багажник?
— спрашиваю, инстинктивно отодвигаясь от него и вжимаясь в кресло.

— Я и первый раз не собирался, просто упрасивать тебя времени не было.

Мысленно расчленяю его на части. Будто бы ты вообще кого-то упрасивал в своей жизни, на лбу же написано, что не в твоём зверином характере это.

Но я молчу, лишь отвернувшись и фырча верхней губой в недовольстве. Однако почувствовав под задницей ощущение тепла, я быстро отхожу от этого состояния, пригревшись в кресле и совсем не замечаю, как засыпаю...

Лишь когда ощущаю крепкие стальные мышцы под своими пальцами и звериную хватку в районе ребер и на бедрах,

понимаю, что он несет меня...

Но, СТОП, куда?!

Вот же черт.

Мои глаза распахиваются, и в этот момент на меня будто ушат ледяной воды выливают, хотя единственная вода здесь разве что мой образовавшийся за секунду от страха пот.

Мой мозг, видимо, все еще пребывающий в режиме гибернации, долго отправляет послы к остальным органам, поэтому я продолжаю просто хлопать глазами, пока эта гора красивых мышц несет меня... ко мне домой, черт возьми.

— Поставь меня! Живо! — пронзительный писк, который вырывается из моего горла, больше похож на визг перепуганной чайки, чем на мой. Однако используем о то, что имеем.

Упираюсь ладонями в его грудь, ощущая каждый твердый мускул, а потом делаю несильный удар.

Он опускает голову и пронзает меня своим испепеляющим взглядом,

Мой внутренний критик уже строчит едкие комментарии: "Браво, Тая, ты превосходна! Выглядишь, как беспомощный котенок, пытающийся поцарапать бронированный танк".

К моему удивлению и, честно говоря, к небольшому разочарованию, ведь я уже почти привыкла к этому ощущению полета на его руках, его хватка слабеет.

Он жестко опускает меня на землю так, что моим дурацкие ноги заплетаются, будто для них гравитацию изобрели

только что, и я чуть не падаю, споткнувшись о свои же конечности. Позорище. Мысленно мой вестибулярный аппарат падает на него в суд за жестокое обращение.

— Тая, — гроыхает голос отца, заставив меня вздрогнуть и тут же отпрянуть от мужчины.

Который, впрочем, как ледяная бесчувственная глыба как стоял на одном месте с выражением вселенской скуки на лице, так и стоит.

Лицо отца со смесью паники означает лишь одно: мне звездац.

— Тая! Где ты была?!

Я открываю рот, чтобы ответить, но отец останавливает меня взмахом руки и обращается к этому без эмоционально к камню.

— Архаров, где ты ее нашел? — спрашивает его, игнорируя мои попытки оправдаться.

Даже обидно становится.

Огнеяр же тяжело выдыхает, словно ему не вопрос задали, а весь мир на плечи положили. Я смотрю на него умоляюще, только бы не открыл рот, только бы не начал говорить. Тогда никто не отделается испугом или переломанными конечностями, Тогда всех просто грохнут.

— Пожалуйста, — одними губами.

Он закатывает глаза, а потом переводит взгляд на отца и отвечает:

— Я нашел ее у подруги. Как вы и предполагали, — голос

ровный. Ни тени эмоции, ни намек на то, что было этим вечером.

Отец с облегчением выдыхает. А вместе с ним и я.

— Ладно, с Тасей мы поговорим позже, а ты заходи в дом, выпьем чего-нибудь?

Не дожидаясь приглашения, я бегу в дом, в свою комнату. Сердце колотится так, словно пытается пробить грудную клетку и сбежать, оставив меня наедине со всеми моими проблемами. Я падаю на кровать, пытаюсь отдышаться, но любопытство — этот гребаный мой личный дьявол в юбке — не дает мне покоя.

Я должна знать их разговор. Особенно после сегодняшнего, я должна знать, к чему готовиться.

Быстро переодевшись в домашнюю футболку и шорты, я выскакиваю из комнаты, однако стоит мне только сделать шаг, как меня впечатывает во что-то железное, но при этом невероятно теплое, пахнущее хвоей и дорогим мужским парфюмом.

Секунда, и я уже лечу назад, как кегля, сбитая шаром. Ог-неяр в два счета заталкивает меня обратно в комнату, толкая так, что я падаю на кровать.

— А теперь поговорим, — жёстко говорит он, нависая над мной.

Нависая надо мной, как грозовая туча, готовая разразиться молниями, он смотрит так, что мой внутренний филокалист вступает в жаркий спор с инстинктом самосохранения. Один твердит, что этот ракурс только для обложки модных брутальных журналов, второй — что пора писать завещание.

— Поговорим? — переспрашиваю я, пытаюсь придать голосу оттенок безразличия, хотя он больше смахивает на писк мыши, застигнутой врасплох удавом. — О чем нам с тобой говорить? О твоих садистских наклонностях?

Мой сарказм на него не действует. Вообще. Будто я со стеной разговариваю.

— Я вытащил твою задницу из неприятностей, — говорит своим тяжелым баритоном. — И прикрыл перед отцом.

— За это, конечно, спасибо, — я сажусь на кровати, скрещивая руки на груди, будто это может защитить меня от его ауры подавляющей мощи. — Спасибо, что не сдал меня после того, как похитил и запихнул в багажник, словно мешок с картошкой. Истинно рыцарский поступок. Мой личный трибунал по правам человека уже готовит для тебя отдельный котел в аду.

Говорю это, а сама мысленно сжимаюсь, тонко прочувствуя ту грань, которую старательно боюсь с ним перейти.

И, кажется, я вот- вот ее настигну, потому что мужчина

хмурит брови, а потом делает ко мне шаг, и когда я порываюсь вскочить с кровати и выбежать за дверь, на лету хватается меня за талию и прижимает к своему стальному телу, обездвиживая. Одна его рука лежит у меня на животе, плотно прижимая к себе, а вторая несильно держит за горло.

Я замираю. Но к своему удивлению ощущаю не скованность, а странное, звенящее напряжение.

— Дыши, — хрипит мне на ухо искуситель, после чего я инстинктивно делаю глубокий, рваный вдох.

В одно мгновение исчезают все мысли, остается лишь ощущение его рук на своем теле и дыхания на шее.

Я очень хочу возразить ему, хочу сказать, чтобы отпустил, но слова застревают где-то на подступах к горлу, превращаясь в нечленораздельный выдох.

В этот момент ты рука, что на животе, словно поглаживает меня и прижимает с такой властной силой, что кажется, будто он пытается впечатать меня в себя, сделать частью своей. И, черт возьми, это работает. Я чувствую, как сквозь тонкую ткань футболки просачивается жар его тела, обволакивая, проникая под кожу.

Вторая его рука, та что на горле, не сжимает, не душит, но ее присутствие ощущается как доказательство его власти надо мной, доминирования. Она не давит, но напоминает о его абсолютном контроле в этот момент.

И в этой легкой, почти неощутимой хватке таится что-то дьявольски притягательное, какая-то первобытная сила,

которой невозможно сопротивляться. Мозг, обычно такой рациональный и циничный, отказывается строить барьеры, вместо этого он подает сигналы, от которых по всему предательскому телу пробегает дрожь. И это не дрожь страха. Это дрожь предвкушения.

— Я люблю отрывать языки таким болтливым девочкам, Та-а-ая, — угрожающе тянет моё имя прямо на ухо.

— А... им это нравится? — совсем теряю страх я.

— Хочешь испытать? — он резко разворачивает меня, а потом грубо прижимает к стенке возле двери, нависая сверху. Его тёмный взгляд бегло оглядывает меня, и, кажется, он даже дышать чаще становится.

— Предпочитаю остаться с языком, — отвечаю не так смело, когда он смотрит прямо в глаза.

— Ты мне должна, Тая, — его голос становится ниже, интимнее, отчего по позвоночнику бежит ледяная струйка. — За мое молчание.

Сердце отбивает бешеный ритм. Его близость — это какая-то неизвестная природа смесь чистого ужаса и запретного, магнетического притяжения.

— Должна? — выдыхаю, поднимая подбородок. — Тебе не кажется, что твой кредит доверия исчерпан после сегодняшней поездки в багажном отделении? Думаю, мы квиты...

Я пытаюсь проскользнуть у него под рукой, но он лишь сильнее прижимает меня к двери. Мой дурацкий мозг вме-

сто того, чтобы сигнализировать об опасности, фиксирует каждую его деталь: темный вихрь в глазах, жесткую линию губ, тень щетины на волевом квадратном подбородке.

— Квиты? Тая, такие речи нельзя задвигать маленьким девочкам, их обычно после этого сжирают.

Так же резко, как он прижал меня к себе, он и отстраняется.

Тяжело выдохнув, он отворачивается, видимо, что-то обдумывая, но у меня уже давно в голове все понятно. Я тут же дергаю за ручку двери и выбегаю из комнаты, граничащей по градации опасности с самим адом.

Вот только далеко сбежать не удастся. Пару шагов, и я оказываюсь прижата к перилам лестницы, спиной нависая над проемом.

— Что ты... — тяжело дышу, пока мужчина, вплотную прижавшись ко мне, ведёт своей ладонью по моему животу вверх, разгоняя мурашки по телу, а потом нажимает на грудную клетку, вынуждая неестественно выгнуться и ощутить страх.

Он же не скинуть меня собрался?!

— Ещё раз повторяю, — низким голосом говорит он, вибрируя прямо над ухом, — ты мне должна.

Должна. Отличненько. Просто превосходно! Самое время и отличная поза для того, чтобы долго вернуть!

Я выгибаюсь в его руках, пытаюсь обрести хоть какую-то опору, но его хватка только крепнет. Я ощущаю его жесткие пальцы на своей талии, и чувствую, что сейчас власть над моим тельцем полностью в его руках.

Мои попытки брыкаться, должно быть, выглядят жалко, но я просто не могу остановиться.

— Да это можно сказать ты отдал мне долг за экскурсию по всем граням унижения, — шиплю я, чувствуя, как под лопатками неприятно холодит пустота лестничного пролета. — Да что тебе нужно, черт возьми! — рычу, когда он давит сильнее. Так, что я теряю опору ногами.

— Твое послушание, Таиса!

Послушание? Я ему что, собачка на побегушках? Да кого он из себя возомнил?!

— Боюсь, у меня не хватит этого ресурса для тебя! Вместо послушания могу предложить тебе свою безграничную ненависть. Примешь в качестве оплаты?

Его глаза вмиг темнеют, заполняя радужку глаза черным.

Прекрасно, Тая, почему бы и нет? Немного акробатики

над лестничным пролетом будет прекрасным завершением вечера. А переломанные кости — перспективой этого лета.

От пессимистичных мыслей отвлекает шорох шагов. Тяжелые, размеренные, до боли знакомые. Шаги папы.

— Это же... — захлебываюсь воздухом, уже представляя картину того, что увидит папа. А он и без этого плохо себя чувствует. Убийство какого-то криминального авторитета за garante на его дочь такая себе перспектива для человека, который завязывает с криминалом.

Внутри все холодеет от паники.

Огнечар, кажется, реагирует на перемену в моем дыхании. В то же мгновение, как ужас искажает мое лицо, он действует. Дернув меня на себя, впечатывает в каменное тело так быстро, что я едва успеваю сообразить, что происходит.

Мои ладони инстинктивно упираются ему в грудь. Я ничего не понимаю. Секунду назад он был готов меня скинуть, а теперь... теперь его губы застывают в паре сантиметров от моих. Взгляд изучающе блуждает по моему лицу, и я невольно закусываю губу от нервов. Он смотрит на неё, и я чувствую, как под моими ладонями учащается его сердцебиение. Он так близко, что я ощущаю его горячее дыхание на своей коже.

— Подыграй мне, это и будет твоей оплатой, — шепчет он приказным тоном.

Его голова чуть наклоняется.

Он же собирается меня поцеловать?

— Нет! — выдыхаю я, отталкиваясь изо всех сил. Но его просто невозможно сблизить. Я лишь отстраняю голову назад, разрывая эту невыносимую и странно будоражащую близость.

Он усмехается, и в его темных глазах появляется насмешливый блеск.

Я смотрят за его плечо, и мир останавливается. Папа уже подходит. Как раз в тот момент, когда Огнейр громко говорит:

— Тогда мне нахрен не сдалось держать в секрете то, что какой-то ублюдок на дочь криминального авторитета поднял ру...

Слово «руку» так и остается невысказанным мужчиной, потому что в этот момент мой мозг, работающий в аварийном режиме, принимает единственное возможное, самое идиотское решение.

Я сама дергаю его на себя за воротник футболки, впиваясь пальцами в ткань, и целую.

Первые ощущения сравнимы со столкновением с твердым камнем, однако все меняется, когда спустя мгновение, настолько резко, что я давлюсь воздухом, Огнейр одной рукой подтягивает меня за талию так, словно хочет сломать мне ребра, а вторую руку запускает мне в волосы, сжимая их у корней и заставляя запрокинуть голову, чтобы углубить поцелуй и сделать его напористым, глубоким, требовательным.

Он не просит, он берет.

Вторгается в мой рот с такой властной уверенностью, что у меня подкашиваются ноги. Вся моя дрожь, весь мой страх смешиваются с чем-то иным, с диким, абсолютно неправильным жаром, от которого внизу живота все скручивается в тугой узел. Мозг отключается, тело отказывается подчиняться, расплываясь от горячих прикосновений, от жалящих поцелуев, от мягких губ. Я забываю, как дышать, забываю, где я, кто я, есть только этот поцелуй, от которого кружится голова, есть только этот мужчина, от которого бешено дребезжит сердце.

— Кхм!

Недовольный, гортанный звук, который заставляет меня тут же прийти в себя. Я резко отскакиваю от Огнеяра и судорожно хватаю ртом воздух.

Щеки пылают, губы горят. Бесстыдство. Какое же бесстыдство. Но это лучше, чем геев папы из-за ситуации в клубе.

Я смотрю сначала на разъяренного папу, а потом на Огнеяра. И он... он выглядит просто до неприличия довольным. Ленивая, торжествующая ухмылка играет на его губах, а взгляд, брошенный на моего отца, полон неприкрытого вызова.

— Я же говорил тебе, — говорит хрипло и глубоко, тут же меняясь в лице, да так, что пробирает до костей. — Оставить ее со мной — последнее, что ты можешь сделать для ее безопасности.

Слова Огнеяра повисают в спертom, словно наэлектризованном воздухе.

Я смотрю на его самодовольную, торжествующую ухмылку и хочется треснуть его чему-нибудь тяжелым. Он же просто заставил меня это сделать в его же интересах!

Ненависть. Чистая, без красителей и ГМО затапливает меня с головой. Не желая участвовать и дальше в этом представлении, я разворачиваюсь и бегу в свою комнату. И только когда закрываю дверь и прислоняюсь к ней спиной, осознаю что только что произошло...

Дотрагиваюсь до своих губ, все ещё пульсирующих от обрушившегося на них напора. Скольжу руками по талии... я до сих пор ощущаю его прикосновения...

Боже, какой ужас!

Подхожу к тумбочке, беру стакан и щедро лью туда воды, чтобы через секунду залпом выпить, проталкивая дурацкое сердце из горла на свое законное место.

В голове не тухнут картинки произошедшего... Его напор, властная хватка в волосах, и то, как мое тело... о, это великолепное, предательское тело, решило, что сейчас самое время для капитуляции. Превосходный вкус у тебя, однако. А что будет в следующий раз? Выберешь парня с бензопилой?

Соберись, Тая.

Как бы это сейчас не звучало, мне нужно знать, о чем они сейчас говорят.

Тихо возвращаюсь обратно к двери. Прикладываю ухо к замочной скважине. Голос Огнеяра прорезается сквозь дверь.

— ...да, я доставил товар по назначению. Передал прямо в руки, так что можешь не переживать за тех ублюдков, — усмехается мужчина, — к этому времени их, скорее всего, уже размазало по трассе, как масло по хлебу.

— Где перевозил?

— В багажнике...

Меня прошибает ледяным потом. Картинки в голове складываются в чудовищный пазл. В багажнике?! Вместе со мной что, этот уборщик бомбу перевозил?! И те люди... Они теперь мертвы??!

К горлу подкатывает тошнота. Я отшатываюсь от двери, зажимая рот рукой. Он же просто псих. Чудовище... Холодная и липкая паника оплетает легкие.

Таня... Мне срочно нужна Таня! И, между прочим, мы с ней даже не поговорили с того момента, как этот придурок Игнат забрал ее с клуба. Слишком много для одного дня произошло...

Я бросаюсь к кровати, дрожащими пальцами подхватывая телефон.

Так, прежде чем планировать побег из страны от кончен-

ного психа, нужно проверить, жива ли лучшая подруга. Приоритеты — важнее всего. Нахожу ее номер, нажимаю на вызов. Длинные, мучительные гудки сверлят мозг.

Гудок. Еще один.

Ну же, Танька!

В тот момент, когда в трубке что-то щелкает, дверь моей комнаты распаивается без стука.

На пороге стоит папа. Лицо у него серое, явно недовольное. Он смотрит на меня тяжело и долго, словно решая как бы помягче высказать свой приговор.

— Пап, я... — решаю начать сама, но он меня перебивает.

— Надо было сказать мне сразу.

Я непонимающе хмурюсь. Сказать о чем? О моем незабываемом путешествии в багажнике? Или о том, что псих силой заставил меня его поцеловать? Боюсь, и для одной, и для другой новости у него слишком больное сердце.

— Сказать что? — аккуратно переспрашиваю, натянуто улыбаясь.

И что этот придурок наговорил ему, Господи?!

— Огняр все объяснил, — он делает шаг в комнату, и моё сердце замирает в ожидании. — Сказал, что ты в него влюбилась.

Время словно останавливается. А в следующую секунду моя челюсть чуть не валится на пол, с грохотом разбиваясь.

Влюбилась?!

Нет, мое беспринципное тело, конечно, ещё как-то барах-

талось при виде этого ходячего тестостерона, но мозг... Этот парень пока ещё в своем уме!

Поездка в багажнике, попытка удушения на лестнице, шантаж поцелуем — это же прямо классические приемы ухаживания, описанные во всех рыцарских романах, после которых девушки влюбляются в психопатов!

— Папа, это самый бредовый бред, который я...

— Хватит, Таисия, — обрывает он меня устало. — Я же не против, — окончательно убивает меня отец. — Раз так, то и к лучшему, пожению вас в ближайшее время.

Мир не просто наклонился в моих глазах. Он сделал сальто и рухнул в тартарары.

Свадьба с этим психом? В восемнадцать?! И чтобы в девятнадцать меня похоронили как великомученицу?!

Превосходно. Я думала, что хуже уже быть не может, но судьба Эле ко бьет мне подзатыльник.

Черт возьми, да это же просто мечта любой девушки — пожизненное заключение с собственным потенциальным убийцей.

Аааа!

— И тогда я смогу умереть спокойно, — заканчивает он, не глядя на меня. — Зная, что ты будешь в безопасности. Под его защитой.

Телефон выскальзывает из моих ослабевших пальцев и с глухим стуком падает на ковер. Кажется, я начинаю истерично смеяться.

Тихо, беззвучно, сотрясаясь всем телом. Истерика — не самый красивый аксессуар, но, похоже, сегодня для меня он в самом тренде.

Тело сковывает, буквально парализует. Я не знаю, что со мной происходит. Смотрю на отца, и его лицо расплывается в моих глазах, раздражая когнитивные рецепторы.

— Пап, это бред, — слышу на фоне свой голос, и прямо чувствую, как губы перестают слушаться, а начинают лишь дрожать.

Я не просто испугана. Сейчас я в ужасе. И похоже панике... удивительно, что моё подсознание не ввело это чрезвычайную ситуацию рядом с Огнеяром.

— Какой-то чудовищный, несусветный бред. Он все не так понял, это...

— Таисия!

— Я не хочу замуж! — срываюсь на крик. — Слышишь? Не хочу! Не хочу!

Меня начинает трясти. Сначала мелко, потом все сильнее. Я ощущаю спиной спину, по которой спускаюсь вниз. Перед глазами пляшут черные точки, а в ушах стоит гул.

Папа тут же подбегает и, испугавшись, хлопает меня по лицу. Сгребая в охапку, он поглаживает мне волосы, успокаивая.

— Тихо, тихо, родная, — бормочет он, продолжая гладить по голове. — Тише, моя хорошая. Если ты не хочешь, ничего не будет. Слышишь? Ничего. Я ни за что не позволю никому

причинить тебе вред. Особенно себе самому...

Он отстраняется, заглядывая мне в глаза. В его взгляде столько боли, что моя собственная истерика кажется эгоистичной выходкой.

— Прости меня. Я дам тебе время подумать. Если ты... если ты стесняешься сказать мне о своих чувствах, то...

— Не стесняюсь! Их нет! — обрываю я, и пап кивает.

— Хорошо, все будет хорошо, родная.

Этой ночью я прошу остаться папу со мной и засыпаю, положив голову на его колени под ласковые поглаживания головы.

Когда просыпаюсь утром, то его уже нет. Не в состоянии на ещё одну словесную и экзекуцию, я быстро собираю вещи и бегу в университет, чувствуя себя ужасно выжатой. Голова гудит, а под глазами залегли тени, которые не скроет ни один консилер.

Возле аудитории я замечаю Таню. Она стоит, прислонившись к стене, явно ожидая меня. А я хоть и Рада видеть подругу, но, кажется, батарея внутреннего сочувствия вместе с моими силами сейчас близка к нулю.

— Тань? — я подхожу ближе. — Ты выглядишь так, будто твоего любимого хомячка переехал каток. Дважды.

Подруга поднимает на меня заплаканные глаза.

— Хуже, Тая. Гораздо хуже.

— Этим хомячком был Игнат?

— Господи... — закатывает она глаза. — Ты как обычно!

Ну а что? Я бы не против была, может если бы его пару раз кто-то переехал, он перестал бы делать мозги Тане.

— Игнат меня вчера поцеловал...

— Ты уже успела провериться?

— Тая!

— Ну а что? С кем он только не сослался, чтобы тебя на ревность выбить! — фырчу я, хотя внутри понимаю, что Игнат не такой уж и плохой, но раз он выводит Таню, значит и меня! Только Таня его любит, а я в шаге от того, чтобы не нанять кого-нибудь вправить ему мозги!

— Таечка, он уезжает, — чуть ли не плачет подруга. — Сказал, что предки отправляют его в Европу, и это не обсуждается. Он не слушал, воевал с ними, но все бестолку. Либо военная академия, либо Европа. Поэтому он не хотел отношений, но вчера... сорвался.

Мне становится не искренне жаль. Но в то же время... кроме как отвлекать, он бы ничего ей сейчас не делал... А ей учиться надо, чтобы, в отличии от детей богатых родителей, выбить себе место под солнцем. И если их чувства так сильны, то через пять лет он вернется. Вернется и заберет ее.

Таня, окончательно расплакавшись, утыкается мне в плечо, а я глажу ее по спине и думаю о том, что в какой-то степени она даже счастливица. Ее проблема взяла и уехала в Европу. Ах, если бы и мой личный кошмар купил себе билет в один конец... куда-нибудь на Марс. Я была бы не просто счастлива. Я бы устроила вечеринку. С фейерверком.

После пар я зову Таню к себе домой. Во-первых, я хочу отвлечь ее, а во-вторых, не хочу лишний раз пересекаться с тестостероновым самцом наедине.

Однако стоит только нам войти, нас встречает папа. Один... Он выглядит уставшим, но каким-то... спокойным.

— Тая, можешь больше не переживать. Я исполнил твою просьбу.

Я непонимающе смотрю на него, пока Таня вежливо, вежливо поздоровавшись, попросилась в ванную.

— Свадьбы не будет, — произносит отец, и я выдыхаю так громко, что даже неприлично. — Огняр уехал.

Уехал. Это слово звучит, как амнистия.

— Уехал, — продолжает отец, не замечая моего ликования, — но оставил тебе кое-что. В твоей комнате.

Я замираю. Что еще? Прощальная взрывная граната, чтобы закончить начатое?

Не-е... Ну не станет же в доме папы...

Быстро поднявшись в комнату, я застываю у порога, когда вижу на кровати... что-то маленькое, белое. Думаю, что записка, но когда подхожу ближе - застываю...

Фотография.

От увиденного у меня подкашиваются ноги, ведь на глянце-вом снимке я.

Спящая. В этой самой кровати. Снимок был сделан явно ночью, в полумраке, и на моем лице застыло выражение безмятежности.

Холодный ужас ледяными иглами впивается в кожу. Он был здесь. Ночью. Пока я спала, видимо, после того, как вышел папа.

Господи, да он же просто псих!

Повернув снимок, я вижу надпись.

«Не успел попрощаться, ягненок. Но мы ещё обязательно увидимся».

Этот безбашенный псих не просто уехал. Он оставил мне то, что будет пугать меня каждый день. Понимание того, что он вернется. И это был не прощальный жест. Это было обещание.

Дорогие мои, ну как вам прошлое героев?) В следующей главе возвращаемся ##

Настоящее время

Я сижу на холодной плитке, сжимая в руке пачку унизительных купюр, а в груди разгорается ярость. Ну и тварь. Нет, не так. ТВАРЬ! С большой буквы, с восклицательным знаком и с отчаянным желанием впечатать это слово ему на лоб каленым железом.

Встаю, отряхиваю задницу и ковыляю в дом. Деньги жгут ладонь. Хочется вышвырнуть их, но тогда это чудовище решит, что победило.

Нет уж, дорогой. Я тебе ещё устрою.

Сижу на диване, размышляя о том, как мне выбраться из его грязных лап. Слова так и роятся в голове, одно хлеще другого. Нет, нам нужно с ним поговорить спокойно. Я вообще не понимаю его мотивы, зачем ему насаться со мной?!

Решаю дождаться его прихода. Однако вскоре темнеет, а его все нет. Десять вечера. Одиннадцать. Полночь. Мой праведный гнев медленно остывает, уступая место тягучей, злой усталости и... разочарованию?

Хотелось решить все сегодня. Тем более скоро очередная поставка. Я просто не могу ее пропустить, а в таком состоянии, как я это сделаю? Я даже из дома выйти не могу!

Ну и где этого придурка носит? Наверное, нашел себе какое-нибудь развлечение на ночь. Какую-нибудь наивную ду-

рочку, которая поведется на его дьявольскую внешность и не разглядит гнилую суть. Или взрывает где-то очередную жертву...

Брр!

Сдавшись, я решаю пойти на второй этаж и принять душ. Нужно смыть с себя этот день. Смыть его запах, который, кажется, вьелся в кожу. Смыть унижение, которое липкой пленкой покрыло все тело.

Горячие струи душа определенно мое спасение. Я стою под ними, закрыв глаза. Вода обволакивает, но не может смыть воспоминания. Как его руки держали меня, как его дыхание щекотало шею... и как он просто отпустил меня, позволив упасть. Бесчувственный ублюдок.

Тогда почему сердце дурацкое стучит так?

Решив не вдаваться в подробности своей ранне развившейся тахикардии, я выхожу из ванной, укутанная в большое махровое полотенце, и захожу в свою спальню. В комнате темно, лишь лунный свет пробивается сквозь неплотно задернутые шторы, рисуя на полу серебряные узоры.

И в этой полутьме, у окна, стоит...

— Ты вообще свихнулся? — кричу, увидев черный неподвижный и огромный силуэт Огнеяра.

Он медленно окидывает меня изучающим взглядом. Скользит по мокрым волосам, по ключицам, задерживается на ложбинке груди, едва прикрытой тканью. Спускается ниже, к бедрам, к голым ногам.

Унизительно. Пробирает до дрожи.

— Хотела поговорить? — ухмыляется наглещ. — Давай поговорим.

В горле пересыхает. Все мои заготовленные речи, все колкости и обвинения испарились, оставив после себя лишь звенящую пустоту и острое желание прикрыться чем-то большим, чем этот кусок махровой ткани.

— Я... я сейчас переоденусь, и мы...

— Нет, — обрывает он резко, отталкивая от подоконника и подходя ко мне. — Либо сейчас, либо я уйду. У меня нет на тебя времени.

Какой же он... скотина. Он намеренно ставит меня в самое уязвимое положение. Я делаю глубокий вдох, собирая остатки воли в кулак. Раз так, то пусть получает.

— Я все же решила, что такие деньги мне не нужны, — произношу я, делая шаг вперед и протягивая ему мятую пачку. Кинуть в лицо все же не решаюсь. Не в том положении. — И твоя защита, от которой проблем больше, чем помощи, мне тоже не нужна. И уж тем более, — ядовито цежу я, встречаясь с ним взглядом, — мне не нужен ты. Я как-то справлялась со своей жизнью до твоего триумфального возвращения, справлюсь и дальше. Я взрослая женщина, Огнеч, а не марионетка.

Я стою, тяжело дыша, и жду его реакции. Грома, молний, очередной порции угроз. Но он молчит. Он просто смотрит на меня своим странно изучающим взглядом, будто мои сло-

ва для него лишь фоновый шум. Это бесит еще сильнее.

— Ответишь, блин?! — срываюсь я, а он лишь усмехается. Ему забавно.

Отчаяние подкатывает к горлу. Он не слушает. Ему плевать. Чтобы достучаться до этого монстра, нужно что-то из ряда вон. Что-то, что он не сможет проигнорировать.

— Я... — голос предательски дрожит, но я заставляю себя продолжать. — Я сделаю все, что ты попросишь. Любую твою просьбу выполню, — выпаливаю я на одном дыхании, сама не веря в то, что говорю. — Только отпусти меня. Уезжай и оставь меня в покое.

Вот оно. Это наконец-то привлекает его внимание.

Он медленно, почти лениво, подходит ко мне вплотную. Запах табака и мяты снова окутывает меня, парализуя волю. Я чувствую жар, исходящий от его тела, даже на расстоянии нескольких сантиметров. Он останавливается так близко, что я могу разглядеть темные крапинки в его глазах.

А потом медленно поднимает руку. Я вздрагиваю, ожидая чего угодно — удара, грубого захвата... Но он лишь поддевает указательным пальцем самый краешек моего полотенца, там, где оно заправлено над грудью. Легкое, почти невесомое касание, от которого по коже бежит куча мурашек.

А потом наклоняет голову, и его губы оказываются у самого моего уха.

— Любую, Тая? — шепчет он, и от этого шепота у меня подгибаются колени.

Он отстраняется, заглядывая мне в глаза. На его губах расцветает хищная ухмылка.

— Какое заманчивое предложение. Мне как раз было так скучно.

Его палец лежит на кромке моего полотенца, как бомба замедленного действия. Одно неверное движение, и эта жалкая преграда, отделяющая меня от полного унижения, рухнет. Я стою ровно, боясь даже дышать.

— Итак, условия сделки, Тая, — скалится чудовище. — Ты хотела, чтобы я отпустил тебя жить одной. Хорошо. Но свободу нужно заслужить, потому что твой отец оставил тебя мне. Ты — моя, — на этих словах выражение его лица меняется, принимая серьезный вид. — Моя вещь, — добавляет он. — Моя тень. Моя собачонка, если надо будет.

Внутри меня все обрывается. Он это серьезно? А может ему ещё еду пережевывать и в рот запихивать?

— Ты исполняешь любое мое поручение, — продолжает он, и его палец лениво, почти нежно, скользит по ткани вверх, к моим ключицам, а потом массивная ладонь сжимается на моей шее. — Без вопросов, без пререканий, без саркастичных комментариев.

— Больше ничего не хочешь?! — вздергиваю нагло подбородок. — А то маловато за свободу так-то. Которую и свободой не назовешь!

— Я могу придумать кое-что похуже...

— А если скажешь умри, — дрожу, не отрывая от него глаз.

— Ты уточнишь, как именно тебе это сделать, чтобы доставить мне максимальное удовольствие, — выдает ненормальный.

— Ты совсем больной?! Что... если я откажусь, — говорить уже просто невозможно, потому что он смущает. Его близость отвлекает. Почему мое дурацкое тело снова так на него реагирует?!

— Тогда будет всё то же самое, но со мной под одной крышей, Тая.

— Ну ты же не заставишь меня серьезно это сделать? Да? Ты же шутишь сейчас...

— Заставлю что? Умереть? Мне гораздо интереснее играть с тобой живой.

Заметно выдыхаю, а потом снова уточняю.

— Ну или, допустим, ты же не заставишь меня... гавкать ради развлечения? — вырывается у меня с нервным смешком.

Его глаза темнеют, и он снова ухмыляется.

— Если ослушаешься, почему бы и нет? — рубит он. — Но поверь, тявканье на четвереньках — не худшее, что может с тобой случиться.

Кривлюсь, отворачивая голову и делая большой глубокий вдох. Этот маньяк действительно способен на что-то страшное. Черт бы его побрал!

— Если будешь хорошей девочкой, — Огнейр резко делает шаг назад, отпуская меня, — я, так и быть, позволю те-

бе переехать на твою квартиру. Будешь жить там одна, но по первому же моему звонку, в любое время дня и ночи, ты должна приехать сюда. И сделать то, что я скажу.

Свобода, пусть и призрачная, слишком манит, чтобы отказать от того абсурда, что он наговорил.

— Я... согласна, — шепчу я, ненавидя себя за эту слабость.

Он победно скалится, довольный собой.

— Отлично, — бросает он, направляясь к выходу из комнаты. — Тогда ты можешь приступить сразу после того, как я приму душ, и сделать мне массаж.

Он скрывается за дверью, а я остаюсь стоять посреди комнаты, раздавленная и опустошенная.

Массаж?

Да я лучше жуков съем, чем буду делать ему массаж!

Слышу, как в ванной включается вода. На входе куча охраны, и я не могу сбежать. Минут десять мечусь по комнате, думая о том, как можно сбежать, а потом мой взгляд падает на окно, выходящее в сад. Не так уж и высоко, второй этаж. Если повезет, отделаюсь парой синяков. Это лучше, чем оставаться здесь.

Не думая ни секунды, я распахиваю створки. Ночной воздух холодит разгоряченную кожу. Я перекидываю одну ногу через подоконник, все еще завернутая в это дурацкое полотенце. Еще мгновение, и я на свободе...

Полотенце как назло задевается створкой, и пока я пыта-

юсь его вытащить, дверь открывается...

Мамочки...

Встречаюсь взглядом с этим бешеным чудовищем и нервно громко сглатываю.

— Куда-то собралась?

Спокойно спрашивает он, подходя ко мне, но это спокойствие явно притворно, потому что в следующий миг стальная хватка сжимает мою лодыжку. Он тянет меня назад, и я теряю равновесие, чуть не падая, но он удерживает меня... второй рукой, которая хватает меня за мокрые волосы у самого затылка. Не больно, нет. Контролирующе. Унизительно.

Затаскивает обратно, как нашкодившего котенка, и захлопывает окно.

Я стою перед ним на дрожащих ногах. Хоть в одном мы сравнялись, теперь он тоже в одном полотенце, обернутом вокруг бедер. С его волос и мускулистого торса стекают капли воды, и он смотрит на меня тяжелым взглядом.

— Я же сказал, без глупостей, Тая, — произносит он почти ласково, и от этой ласки мороз дерет по коже. — А ты с первой же минуты нарушила правила. Что же мне теперь с тобой такой непослушной делать? Наверное... наказать.

Он медленно сокращает дистанцию, загоняя меня в угол. Я упираюсь спиной в холодную стену, отступать больше некуда. Монстр наклоняется, его лицо оказывается в нескольких сантиметрах от моего.

— Ну что, Тая, — его горячий шепот обжигает ухо. —
Готова становиться на колени и гавкать?

Да он издевается...

— Иди ты к черту! — выдыхаю я, глядя ему прямо в глаза.

— Вместе со своими придурашными фантазиями!

Он усмехается. Нагло, бесстыдно, лениво. Ему весело забавляться надо мной, чувствовать власть. Аморальное чудовище.

Его рука молниеносно срывается с моего затылка, вторая отпускает лодыжку. На секунду я думаю, что он отступил, но это лишь затишье перед бурей. В следующий миг его ладонь стальным обручем сжимает мою талию, притягивая вплотную к своему обнаженному телу. Я вскрикиваю от неожиданности, упираясь руками в его широкую грудь, но это все равно что толкать гранитную скалу.

Свободной рукой он тянется куда-то в сторону, к письменному столу, и я слышу тихий металлический лязг. Сердце грохает в пятки, когда в свете ночника я вижу холодный блеск, а после этого ощущаю ледяной кончик металлического ножа у пульсирующей венки шеи. Замираю, боясь шевельнуться и тихо постанываю. Холод расплзается по коже, контрастируя с жаром его тела.

— Ты нарушила правила сделки, Тая, — говорит бесчувственное чудовище, проводя острием ножа вниз, по ключице, очерчивая косточку. Мурашки ужаса и отвращения бегут

по моей спине. — Никакого послушания. Снова дерзишь. Так что же мне с тобой сделать, а, Тая? Может просто заставить замолчать?

Паника ледяными тисками сжимает горло. Это не шутки, не психологическое давление. Этот маньяк действительно способен на все. Моя дерзость испаряется, оставляя после себя лишь животный страх.

— Нет, — мой голос срывается на жалкий писк. — Прощу, не надо. Я... я больше так не буду. Буду делать все, что скажешь.

Он останавливает движение, но нож не убирает. Просто держит, впиваясь холодным острием в мою кожу над ложбинкой груди. Я чувствую, как бешено колотится сердце.

— Все сделаешь? — переспрашивает он, и в его голосе слышится холодное торжество.

Судорожно киваю, не в силах вымолвить и слова. Он победно усмехается, глядя на меня сверху вниз, а потом его ладони властно ложатся мне на плечи.

— Тогда на колени, — давит на плечи вниз. Не грубо, но неотвратно, и у меня нет выбора. Ноги подкашиваются, и я опускаюсь на холодный паркет у его ног. Унизительно. Оскорбительно. Я сижу на коленях, все еще завернутая в полотенце, а он возвышается надо мной.

Смотрит с презрением, оскалившись, а потом, словно не обращая на меня больше никакого внимания, стягивает с бедер свое полотенце и небрежно бросает его на кресло. За-

жмуриваюсь, чертыхаясь про себя и мысленно отправляя его в ад. Благо, не успела увидеть ничего, кроме его накаченных массивных ягодич.

Щеки пылают от стыда и злости. Я открываю глаза через пару минут, когда он уже натянул на себя чёрную футболку и такого же цвета домашние штаны.

— Сколько еще это будет продолжаться? — спрашиваю я глухо, ненавидя себя за дрожь в голосе.

— Пока я не услышу то, что хочу, — спокойно отвечает он, прохаживаясь по комнате,

— И что же ты хочешь услышать?

— Как насчёт: «Прости меня, мой господин, больше я тебя не слушаюсь», — произносит он с расстановкой, наслаждаясь каждым словом.

Кровь снова приливает к лицу, на этот раз от ярости. Господин? Да черта с два! Псих ублюдочный! Скотина безэмоциональная! Вообще уже с катушек съехал.

— Да пошел ты, — шиплю я, глядя на него снизу вверх с нескрываемой ненавистью.

Монстр не злится. Наоборот, на его губах снова появляется эта хищная, самодовольная ухмылка. Он меня не сломал, и эта игра ему явно по вкусу.

— Упрямая, — констатирует он и направляется к двери.

Я, сама не зная зачем, резко поднимаюсь с колен и встаю у него на пути, преграждая дорогу. Мелкий, глупый акт неповиновения, но меня уже все бесит!

Огнеяр останавливается. На мгновение мне кажется, что он снова схватит меня, и я даже успеваю испугаться, но вместо этого его рука взлетает к моему затылку, пальцы сжимаются на мокрых волосах, и он просто оттаскивает меня в сторону, как мешок с мусором, освобождая себе проход. Не больно, но до одури унижительно.

— Мог бы и по-другому отодвинуть! — выкрикиваю я ему в спину, держась за волосы. — Что за привычка дурацкая за волосы таскать? Это неприятно!

Он оборачивается в дверях, окинув меня ленивым взглядом.

— Для этого мне пришлось бы наклоняться, — роняет он. — А ты этого сейчас не достойна.

Что?

Ну и тварь!

Он уходит, а я остаюсь стоять посреди комнаты, дрожа от бессильной ярости. Через несколько минут он возвращается со стаканом воды. Я думала демоны не питаются, вот же удивление-то.

— Ты почему встала? Я разрешения не давал.

Стиснув зубы, проклиная его и становлюсь на свое место. Черт бы побрал ублюдка.

— Чудовище проклятое, — шепчу себе под нос, — как такую тварь вообще может кто-то полюбить...

Стакан с грохотом опускается на тумбочку, и я вздрагиваю. Огнеяр проходит к кровати, стягивает с себя футболку,

обнажая мощный разлет плеч и бугристую накаченную спину.

— Я что, всю ночь так стоять буду? — взрываюсь, обернувшись к нему.

Он пару секунд молчит, а потом вдруг в комнате раздается громкий, хриплый, до ужаса пугающий приказ.

— Закрой рот и живо сюда, Тая.

Я даже теряюсь от такого жесткого, стального, абсолютно без свойственного ему тона черного юмора.

Действуя на инстинктах после такого приказа, я подскакиваю на ноги.

— Села на край кровати и сделала мне массаж, — грубо заявляет он.

Кажется, я его разозлила...

Воля, и так потрепанная за вечер, ломается окончательно. Опустившись на самый краешек шелкового покрывала, сижу, боясь к нему прикоснуться.

— Я не собираюсь ждать вечно, Тая. Я тебя сейчас сожру. Весомый аргумент, чтобы начать действовать.

Просто нажимай, — твержу себе мысленно.

Это просто кожа. Просто кусок мяса, принадлежащий чудовищу. Делай, что он говорит, и, может быть, доживешь до утра.

Я заносу руки и несмело, кончиками пальцев, опускаю их на его плечи.

И тут же отдергиваю, словно обжегшись. Его кожа горит.

Она не просто теплая, она словно раскаленная. Я не касалась до этого парней так откровенно, и сейчас помимо его кожи начинает пылать и мое лицо, а по венам бежит электрический разряд.

— Тая, — рычит он, не поворачивая головы. — Не испытывай мое терпение.

Второй раз я заставляю себя. Кладу ладони ему на спину, и на этот раз не убираю. Начинаю неумело, механически разминать его плечи. Движения скованные, дерганные. Сначала он молчит, позволяя мне делать это так, как я умею, а потом резко поднимается, хватая меня за шею и грубо пихает лицом на кровать.

— Ты нихера не умеешь. Я покажу тебе, как надо, — хрипит он, стягивая мое полотенце до поясницы, а потом опуская свои горячие руки мне на спину.

Мамочки...

Мое полотенце, эта последняя жалкая преграда, теперь бесполезно сбилось где-то на поясице, открывая мою спину его взгляду и, что еще страшнее, его рукам.

Мягкое постельное лицо вжимается в моё лицо. Такой контраст с крепкими, массивными руками, которые... нет, не касаются меня. Они словно раскаленное клеймо выжигают на моей коже его право собственности. Тяжелые, уверенные, проходятся по моей коже умелыми движениями, благодаря которым предательское напряженное тело хочет немного расслабиться, но это физически невозможно в его руках.

— Ты вся зажата, — хрипит недовольно, наклоняя сб к самому уху. От его горячего дыхания по шее бегут мурашки. — Так ты никогда не расслабишь мужчину, если сама как пружина.

Больно хотелось мне мужчин расслаблять, ублюдка ты кусок!

Его большие пальцы находят точку у основания моей шеи и надавливают. Сильно, почти до боли, но эта боль странным образом приятна. Из моей груди вырывается сдавленный вздох.

— Вот так, — с удовлетворением шепчет он. — Ты должна чувствовать тело. Находить узлы напряжения. И безжалостно их уничтожать.

Он ведет руками вниз по моим плечам, разминая мышцы. Его прикосновения не про нежность, они про доминирование, про знание человеческого тела.

— Давление, Тая, — его ладони скользят ниже, по лопаткам. — Не бойся сделать больно. Боль и удовольствие часто ходят рядом.

Я лежу, впечатанная в кровать, и схожу с ума. Мозгами я ненавижу его, а телом... тело плавится под его руками. Этот ублюдок сейчас доставляет мне такое острое, почти невыносимое наслаждение, от которого темнеет в глазах.

Ирония настолько чудовищна, что хочется смеяться и плакать одновременно. Я, девственница, которая боится мужского взгляда, сейчас получаю урок эротического массажа от своего потенциального убийцы.

— Откуда, — с хрипом вырывается у меня. — Такие познания. Не думаю, что ты проходил курсы массажа.

Он усмехается.

— Чувствуешь? — его ладонь скользит вдоль моего позвоночника, обводя каждый позвонок, и я выгибаюсь дугой, как кошка. — Вот здесь. И вот здесь... Ты должна знать все слабые точки человека, чтобы потом использовать их.

— Использовать для чего?

Он наклоняется ко мне так, что я снова чувствую его дыхание на своей шее.

— Чтобы доставить удовольствие или... — он скользит рукой вверх, нажимая на какую-то точку на моей шее, —

убить.

Вздрагиваю, пытаюсь встать, но он снова вдавливая меня в матрас.

— Успокойся, я же сказал, что пока мне это не интересно, — лениво произносит, а потом продолжает массаж.

«Пока не интересно»... Хочется истерично рассмеяться и сказать ему спасибо за такую невиданную щедрость, но сейчас мне выгоднее помалкивать. В слишком уязвимом положении нахожусь.

Огнечар меняет жесткость прикосновений. Основательно так. Мягко очерчивает линию моей талии, и его рука задерживается там на мгновение дольше, чем нужно. Его дыхание становится более прерывистым, и я, черт возьми, слышу это.

Похоже, учитель сам увлекся процессом.

— Ты не думаешь, что урок... — шепчу несмело, — окончен?

Он молча проводит пальцами по моей спине, словно очерчивая какие-то узоры, а потом резким, мощным движением переворачивает меня на спину.

Мир замирает, а изо рта вырывается вскрик. Я хочу прикрыться, вырываю свои руки, но он крепко удерживает мои руки одной рукой, нависая сверху, упираясь второй около моей головы. Полотенце собралось на талии, полностью обнажая мою грудь. Хочется слиться с этой кроватью, только бы не ощущать этого смущения, только бы не видеть как потемнели его глаза, останавливаясь на моей груди. Они пре-

вратились в черные бездны, в которых плещется только одна субстанция — голод. Что он там говорил? Он хочет меня сожрать?

Что ж.

Сейчас я в это реально верю!

— Нет, Тая, — шепчет он в нескольких сантиметрах от моего лица. — Урок только начинается.

Я вижу, как его лицо приближается, а манящие губы наносятся всего в нескольких сантиметрах от моих...

Зажмуриваюсь, ожидая... чего? Поцелуя? Гребаный мозг, ты тоже сдался? Я что, действительно жду от него поцелуя?!

Но вместо этого я ощущаю дуновение ветерка прямо у своих губ, а потом чувствую, как он меня отпускает и отстраняется.

Я открываю глаза, тут же натягиваю на себя полотенце, чтобы прикрыться, и прерывисто: то смотря, то отводя взгляд, слежу за ним.

Огняр тяжело дышит, смотря на меня, а потом встает с кровати и подходит к креслу.

— Завтра, — говорит он ледяным тоном, в котором нет и следа былой страсти. — Ты сделаешь все правильно. А теперь спи.

Он бросает мне свою футболку, которая валялась на кресле. Она пахнет им. Я неуклюже натягиваю ее, кутаясь и оттягивая сильнее, но в этом и нет необходимости. Она доходит мне почти до колен.

Хочу встать, чтобы пойти спать в свою комнату, но он одним ленивым движением кладёт меня на лопатки, вижу в его глазах уязвимость, и тут же пользуюсь ею. Накрываю ладонями лицо, заглядываю в глаза и молю немым взглядом.

— Пожалуйста, может хватит? — шепчу хрипло. — Можно мне в свою комнату?

Его взгляд меняется. Кажется, даже... теплеет. Однако в ту же секунду он разворачивает меня, кутает, словно в кокон, в легкое тонкое летнее одеяло, отворачивает от себя и заваливается рядом.

Чертово чудовище!

— Я же сказал — спи. Здесь. И... — он делает томительную паузу, после которой дрожит мою шаткую психику, — если ты еще раз прикоснешься ко мне без спроса, я сломаю тебе пальцы.

Зашибись. Ну вот и потепление. И отличное завершение урока. Как сбежать из этого чертового ада?!

Утром просыпаюсь с четким ощущением того, что сплю на одной кровати с чудовищем. Тело ломит от неудобной позы, а страх выдать свое пробуждение и взглянуть ему в глаза не позволяет разогнуться.

Черт возьми!

Копошение за спиной и его осязаемое присутствие рядом заставляет вздрогнуть и тут же развернуться, спиной отодвигаясь к краю кровати.

Огнеяр лежит на боку почти на том же месте, где недавно была моя голова. Черт, он что, дышал мне в затылок? Наверное поэтому я спать не могла!

Его глаза закрыты, лицо спокойно, если это вообще возможно. Видеть его таким — просто дикость. Я ведь даже в том, что он человек, сомневалась, а тут такое...

Если бы не характер... я бы наверное могла влюбиться в него.

— Хватит сверлить во мне дырку, Тая, — внезапно говорит монстр, пугая до чертиков.

Кровь стыдливо приливает к щекам. Он даже не смотря, чувствует мой взгляд. Дьявол, не иначе.

— Мечтай, — шиплю тихо, утыкаясь взглядом в потолок, но краем глаза вижу, что он открывает глаза и смотрит на меня.

— Ты всегда задерживаешь дыхание, когда смотришь мне в лицо, Тая, — издевательски протягивает он. — Интересно, что ты думаешь в этот момент?

Замираю. Хочется сказать, что это всё его больные фантазии, но подсознательно понимаю, что он читает меня как открытую книгу. Это становится не смешно. С каждым разом эта сволочь всё больше и больше сбивает меня с толку.

— Вставай, — бросает он, садясь на кровати. Широкая, покрытая мышцами спина напрягается. — Если планируешь съехать отсюда, тебе нужно выкинуть все свои вещи.

Он поднимается и, не обращая на меня внимания, выходит из комнаты. Я срываюсь за ним. Это чудовище заходит в мою комнату, подходит к моему шкафу и беззастенчиво открывает его. Мое сердце пропускает удар. Это кажется более интимным и унижительным, чем все, что было вчера. Он вторгается в мое личное пространство, а я ничего не могу сделать!

— Одолжить тебе нижнее белье? — срывается у меня, когда он одним пальцем поднимает лямку моего кружевного лифчика.

— Мне заставить тебя это надеть? — приподнимает он бровь.

Черт тебя дери, демон!

— Я ведь могу просто приказать, Тая. На твоём месте я бы держал свой язык на положенном месте. За зубами.

Сжимаю недовольно губы и смотрю на него так, что будь

к меня суперсила, разнесла бы его в щепки!

— Что ты делаешь? — мой голос дрожит от возмущения. Он просто швыряет на пол все мои вещи, словно ищет что-то.

— Инвентаризация, — спокойно отвечает он, перебирая вешалки с моими платьями. — Что за дерьмо ты носила? Нет чего-то закрытого?

— Это мои вещи! Хватит их трогать! Не тебе же их носить!

Он медленно поворачивается ко мне. В его взгляде нет злости, лишь ледяное снисхождение, от которого становится в сто раз страшнее.

— Ты все еще не поняла, Тая? — он делает шаг ко мне, и я инстинктивно отступаю, пока не упрусь спиной в стену. — У тебя нет «твоих» вещей. Есть только то, что я позволяю тебе иметь. Ты — моя. А значит носить будешь то, что я тебе позволяю.

Он подходит вплотную. От него исходит дикий жар, смешанный с запахом опасности. Едва могу дышать от бешеной энергетики. Становится плевать на его слова, действия куда страшнее. Вжимаюсь в стену, мечтая стать невидимой. Огненьяр подходит вплотную и теперь я чувствую его тело, что жмет меня к стене ещё сильнее. Рука монстра поднимается, и я зажмуриваюсь, ожидая удара. Но вместо этого его пальцы осторожно, почти нежно, убирают прядь волос с моего лица. Этот жест резко контрастирует с его словами, сбивая с

толку и пугая еще больше. Боясь смотреть ему в глаза, лишь прерывисто дышу, отвернув голову. Он наклоняется ближе так, что я чувствую его дыхание на своей щеке.

— Я хочу знать все о своей... игрушке, — шепчет он, его губы почти касаются моего уха. По коже бежит табун мурашек, и я ненавижу свое тело за эту предательскую реакцию. — Что ты любишь, чего боишься. Что заставляет тебя смеяться... и что заставляет плакать. Я хочу контролировать то, что ты носишь, с кем общаешься и как живешь. Ты понимаешь, что это значит? Ты... полностью моя.

— Этого никогда не будет, — цежу сквозь зубы, поднимая голову и встречаясь с ним враждебным взглядом. — Ты никогда не узнаешь ни меня, ни моих страхов, ни моей жизни. Как пришел сюда, так и свалишь, мне просто нужно время.

Огнеяр скалится, смотря на меня... с интересом. А потом его взгляд скользит по комнате и останавливается на прикроватной тумбочке, где стоит рамка с фотографией, на которой изображена я и Таня.

Прежде чем я успеваю что-либо сказать, он уже оказывается у тумбочки и берет ее в руки.

— Нет! Положи на место! — кричу я, бросаясь к нему.

Он с легкостью перехватывает меня одной рукой за талию, прижимая к себе, а второй продолжает держать рамку.

— Кто она? Мне спросить у неё о тебе? Уверен, девчонка расколется быстрее, чем ты. Да и особого интереса в сохранении ее жизни у меня нет...

— Посмей только! — кричу я, царапая его грудь и вырываясь.

— Кто она для тебя? — продолжает издеваться чудовище.

— Никто! Божье наказание ты, никто! — толкаю его, и он резко меня отпускает, позволяя упасть на кровать, а в следующую секунду ложится на меня сверху, нажимая на скулы, заставляя губы выгнуться в трубочку.

— Правильный ответ, Тая, — он сжимает мое бедро своей огромной ладонью и плавно ведет вверх. — Для тебя есть только я. Только мои слова. Только мои желания.

Я застываю. Даже сглотнуть не могу. Не дышу.

— Я... ты же не собираешься меня... изнасиловать.

Он выгибает бровь, а потом также резко, как и прижал меня, отпускает.

— Насиловать тебя? Зачем? Если скоро ты сама этого попросишь.

Собираясь проглотить слюну, давлюсь ею, начиная кашлять как туберкулезник. Думала, что худшего бреда от него не услышу, но он не перестает удивлять меня.

— В следующей жизни, — закатываю глаза, а потом поднимаюсь с кровати. — Я вчера сделала то, что ты просил. И хочу сейчас же уехать на свою квартиру.

— Ты считаешь, что один неумелый массаж покупает тебе свободу?

— Ты сам установил правила, — вскидываю подбородок. — Быть послушной девочкой. Я была ею. Теперь плати.

— Послушные девочки не дерзят, Тая, — шепчет он.

— И что же они делают? — отвечаю в тон хищнику, собственноручно становясь его жертвой. Ещё чуть-чуть, и сожрет.

— Послушные девочки смотрят с обожанием и со страхом.

— Так много знаешь об этом. Был опыт? — не могу сдержаться я, и в ту же секунду жалею.

Схватив меня за талию, он прижимает меня к стене, а потом грохает чем-то прямо у лица.

Это фоторамка...

Сердце колотится о ребра, и я уже сто раз пожалела, что довела его до такого состояния.

— Повиновение, Тая! Иначе я могу уничтожить все, что тебе дорого, одним щелчком пальцев. Ты поняла меня?

В ушах звенит от его стального голоса, руки дрожат, а язык не силится больше ничего ответить.

Я стою, раздавленная и униженная, глядя на лежащую у ног фотографию. Слезы душат, но я не дам этому ублюдку такого удовольствия. И молчу.

— Другое дело, — он выпрямляется, и на его лице появляется выражение скуки, словно то представление, что он затеял, окончено. — Можешь проваливать. Но помни, один мой звонок, и должна быть здесь. В любое время.

Пулей вылетев из дома, сажусь в машину и выезжаю, наплевав на то, что на мне до сих пор только его футболка.

Ставлю в мыслях отметку, что надо бы ее сжечь. Все-таки вещь сущего дьявола.

Когда доезжаю до своей квартиры, влетаю в неё, пытаюсь успокоить внутреннюю дрожь в теле, но отвлекает зазвонивший телефон. Георгий.

— Тая? — его голос в трубке звучит напряженно.

— Гео, говори.

— Хорошие новости и плохие. Хорошая — поставка будет готова через пару дней. Все, как мы и планировали. Маршрут тот же.

У меня на миг перехватывает дыхание. Наконец все перенесенные из-за нехватки финансирования средств операции будут проведены...

— А плохая? — спрашиваю, предчувствуя неладное.

В трубке повисает молчание.

— Георгий?

— Он все контролирует, — наконец произносит помощник глухим голосом. — Архаров все держит под контролем. Все подъездные пути, все склады на земле вашего отца... Он теперь законный владелец. И хотя все еще не до конца признают его власть, это просто дело времени.

Чертыхнувшись сквозь зубы, я смотрю на свои дрожащие руки. Ярость сменяется холодным расчетом. Если нельзя победить силой, значит, нужно победить хитростью. Если он хочет видеть послушную, сломленную игрушку — он ее получит.

Придется стать послушной девочкой, Архаров. Такой послушной, что тебя стошнит от моего сахара. Я буду смотреть на тебя с обожанием и страхом, я буду выполнять любой твой каприз. А потом сделаю так, как мне будет надо!

Игра началась.

И теперь я играю по своим правилам.

На удивление, это чудовище не связывалось со мной уже два дня. Близилось время поставки оружия, и, если честно, я бы наверное даже хотела увидеться с ним, чтобы понять, в каком настроении сейчас находится его демоническое величество и какие планы у него на ближайшие дни. Георгий докладывает мне об охране, о пересменке и подготовке подставных людей, которые помогут с поворачиваемой аферой. На удаленке сидит Петя — знакомый хакер и просто гениальный программист, с которым папа меня познакомил ещё когда я училась в школе.

Петя был очень благодарен папе за открытие многих возможностей, а поэтому всегда со мной на связи и при любой просьбе помочь — не отказывает. Ну и... меня не покидает ощущение, что я ему... нравлюсь что ли. И да простит меня Господь, что я нагло этим пользуюсь.

Выхода нет. Жизнь в нынешнее время тяжелая до жути стала. Без связей никуда.

Накинув на себя легкий кардиган, я звоню Таньке и говорю, что выхожу из дома. У нас сегодня по плану второе занятие гимнастикой. Мы ж все-таки записались на него. И сейчас намерены исправить позор первого занятия.

На мне надеты чёрные, обтягивающие словно вторая кожа, лосины и короткий черный топ. Так что накинуть оран-

жевый кардиган было хорошей идеей, чтобы не смущать прохожих своим видом. Тренировка проходит в соседнем доме, а я до ужаса не люблю переодеваться в раздевалке на глазах у других людей, поэтому иду уже готовая из дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.